

Насильственные миграции на территорию Томской области (1939 - 1953 гг.)

Оглавление

Введение.

Глава 1. Классификация и этапы насильственных миграций народов СССР.

1.1. Тотальные депортации немецкого населения СССР в 1941-1942 гг.; калмыков в 1943-1944 гг.

1.2. Частичные депортации польских осадников и беженцев в 1939-1941 гг.; населения из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии в 1941г.; прибалтов в 1945 – 1949 гг.;

репатриированных граждан СССР;

малочисленных народов Закавказья в 1949 г.;

высылка «кулаков» из Литвы в 1951г.;

Глава 2. Пребывание депортированных на спецпоселении в Томской области:

2.1. Организация приема и расселения спецпереселенцев;

2.2. Материально – бытовое устройство;

2.3. Отношение депортированных к факту переселения. Взаимоотношения с местным населением.

2.4. Трудовое использование. Внутриобластные миграции;

2.5. Социально – демографические изменения в составе «спецконтингента».

Заключение.

Глава 1.

Этапы и классификации насильственных миграций народов СССР.

Тотальные депортации.

Канун Великой Отечественной войны обозначил начало нового этапа массовых насильственных миграций в стране, который достиг своего пика в 1941 –1944 гг. Но процесс принудительного переселения в это время наполняется качественно новым содержанием, на смену «кулацкой ссылке» приходит депортация по этническому признаку. Объектом дискриминаций и репрессий в СССР становятся целые народы. В первую очередь это были так называемые «наказанные народы», причем «наказание» могло последовать «превентивно» или по принципу «возмездия». Самый массовый прецедент превентивных депортаций – это переселение советских немцев. По принципу «возмездия» была проведена принудительная высылка калмыков. В обоих случаях имела место тотальная депортация, поскольку миграции подверглось практически все население автономных республик и представители этих этносов, проживавшие дисперсно в других регионах СССР.

Советское руководство, проводя репрессивную политику по отношению ко многим народам страны, преследовало в первую очередь не националистические, а политические и идеологические цели. В условиях обострения международной обстановки в конце 1930-х годов переселение граждан потенциально вражеских национальностей в глубь страны объяснялось задачами обеспечения безопасности приграничных территорий, предотвращения возможного сотрудничества населения с оккупантами. Фактически, такое явление как депортации по национальному признаку, были продолжением идеологической политики поиска врагов, как за пределами государства, так и внутри него.

Руководители республик, жители которых подвергались принудительной миграции, не обладали необходимым реальным инструментом защиты населения от действий союзных органов власти. Отношения центрального и местного руководства строились на беспрекословном подчинении и выполнении распоряжений, данных сверху.

Механизм осуществления тотальных депортаций был практически идентичен во всех случаях. Юридической основой для проведения операций по выселению были законодательные акты о депортации народов; об упразднении национально – государственных образований и изменении административно – территориального деления. Решения о переселении немецкого и калмыцкого народов с территории их автономных

республик принимались на уровне СНК СССР и ЦК ВКП(б). Законодательные акты о насильственной миграции представителей этих и других народов, проживавших дисперсно в других регионах Советского Союза, во время Великой Отечественной войны принимались, как правило, ГКО СССР или же на основе специальных распоряжений и приказов наркома внутренних дел СССР Л. Берия. В приказах НКВД содержался перечень мероприятий по проведению депортаций.

Неверным кажется распространенное мнение, что процесс принудительного переселения во всех случаях проводился только силами органов НКВД (МГБ) СССР и войск Советской Армии. Действительно, руководящая роль отводилась сотрудникам НКВД, которые на местах выселений возглавляли оперативные группы. Однако, в акциях по депортации было задействовано большое число так называемого местного (районного, городского, сельского) актива: коммунистов, комсомольцев и советских активистов. Они лучше чекистов и военных ориентировались непосредственно в населенных пунктах, поэтому были проводниками последних в местах выселения. На "совпартактив" зачастую возлагалась и задача описи и конфискации имущества переселяемых.

При этом прослеживаются четыре основных этапа переселения:

1. Депортация основной массы народа из ареала его расселения;
2. Насильственное переселение представителей народа, на момент депортации живших вне ареала его основного расселения;
3. Демобилизация военнослужащих и направление через военкоматы к местам нового проживания их близких; в случаях народов, с «титულными» государствами которых шла война (как, например, немцы), имели место и мобилизация в «Трудармию».
4. Выявление и насильственная миграция тех жителей, кто на момент депортации находился в отдалении от места высылки, укрывался или не был выслан по недосмотру оперативных групп, проводивших выселение.

Начало Великой Отечественной войны сложилось катастрофически для СССР, германские войска приближались к Волге. В обстановке царившей в стране шпиономании и подозрительности поступавшие в Москву сообщения о пораженческих высказываниях отдельных граждан из числа «советских» немцев становились хорошим поводом для того, чтобы искать «пятую колонну» на территории СССР. Советское руководство приняло решение о переселении граждан немецкой национальности в восточные районы страны, которое объяснялось рядовым гражданам возникшей необходимостью, порожденной экстремальными условиями войны.

Переселение 60 тысяч немцев из Крымской АССР стало первой массовой насильственной миграцией представителей данного этноса, проживавших в Советском Союзе. Согласно постановлению Совета по эвакуации № 75 от 15 августа 1941 г. немецкое население эвакуировалось в Орджоникидзевский край, куда прибыло около 50 тысяч немцев, еще 3 тысячи человек были размещены в Ростовской области. В сентябре того же года крымские немцы подверглись депортации уже из Орджоникидзевского края. Наряду с немецкими семьями, проживавшими здесь, они выселялись в Казахскую ССР. (Бугай Н. Ф. "Л. Берия – И. Сталину..." С. 39-40).

Подготовка к проведению тотальной депортации немецкого населения СССР началась на основе постановлений СНК и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей ». На следующий день Л. Берия издал приказ по своему ведомству за № 001158 от 27 августа о мероприятиях по проведению переселения немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа должен был придать хотя бы видимость «законности» антиконституционной акции выселения целого народа. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. АССР немцев Поволжья перестала существовать. Районы республики были включены в состав Сталинградской и Саратовской областей. Данный указ нарушал Конституцию СССР, Конституцию АССР НП, в частности статью 15-ю, в которой говорилось, что территория республики не может быть изменена без согласия АССР немцев Поволжья. Таким образом, автономная республика, где проживала примерно третья часть немецкого населения СССР, которая являлась центром экономического и культурного развития советских немцев, была ликвидирована. В результате издания ряда указов и постановлений немецкое национальное меньшинство лишилось самой возможности политической, социальной и культурной организации в составе СССР.

Представляется далеким от истины утверждение, что советские немцы подвергались планомерно осуществлявшемуся большевистским руководством геноциду. Политика, проводимая в отношении немецких граждан СССР, соответствовала общей репрессивной системе режима власти. С другой стороны, советские немцы в очередной раз стали заложниками большой политики. Ликвидация АССР немцев Поволжья и депортация немецкого населения страны на восток стала следствием начавшейся ожесточенной войны между СССР и Германией, и связанной с этим попыткой ликвидировать возможные, с точки зрения сталинского руководства, «антисоветские» выступления в тылу.

Вслед за акцией по депортации немцев с территории Поволжья началось переселение граждан немецкой национальности из европейской части Советского Союза вглубь страны. 29 августа в донесении на имя Сталина, составленным Молотовым, Маленковым, Косыгиным и Ждановым, предлагалось начать немедленное переселение из пригородов Ленинграда 96 тысяч граждан немецкой и финской национальности. В Новосибирской области предполагалось расселить 24 тысячи человек. (Иосиф Сталин – Лаврентию Берия...С. 38). Но осуществить эту акцию полностью не удалось, так как 29 августа было прекращено железнодорожное сообщение с Ленинградом. Однако переселения их других регионов продолжались.

В большинстве случаев, органы НКВД укладывались в установленные сроки выселения, но это стоило громадного напряжения людских и материальных ресурсов. Нередко для того, чтобы рапортовать об «успешном» завершении операции, было достаточно уже самого факта, что люди «погружены в эшелоны», но еще не были отправлены в силу каких либо причин (нехватка транспорта, простаивание вагонов на железнодорожных путях и т. п.).

О масштабах переселения немцев говорят сведения НКВД СССР тех лет. Согласно справке НКВД, по переписи 1939 г. в СССР проживало 1.427232 миллиона гражданина немецкой национальности, из них в РСФСР – 862504, в том числе в АССР НП – 366685 немцев. (Иосиф Сталин – Лаврентию Берия... С. 36). По более поздним данным на 1 июля 1941 г. в АССР НП численность немецкого населения составляла 401746 человек. (Депортации народов СССР... С. 26).

По плану переселения жителей немецкой национальности, из Республики немцев Поволжья и обозначенных в Указе областей переселению подлежали из г. Энгельса и 23 районов республики – 401 746 человек, то есть все население АССР, с территории Сталинградской области – 23 720 человек, с территории Саратовской области – 54 389 человек. Новыми местами проживания были определены Казахская ССР, Красноярский и Алтайский края, Омская и Новосибирская области. Последняя должна была разместить по 45 районам 100 тысяч немцев. Операция по выселению осуществлялась в короткий срок – с 3 по 20 сентября.

Постановлением ГКО СССР № 636 сс от 6 сентября 1941 г. была решена судьба немцев, проживавших в Москве, Московской области и Ростовской области. Согласно приказу НКВД СССР № 001237 от 8 сентября из Ростовской области предполагалось выселить 32 288 человек немецкой национальности, из которых в Новосибирскую область

прибыло 1964 человека, остальные отправлялись в Алтайский край и Казахскую ССР. (Иосиф Сталин – Лаврентию Берия...С. 65).

По постановлению ГКО № 698 сс от 21 сентября того же года переселялись граждане немецкой национальности из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР. Проводилась акция по приказу НКВД СССР № 001347 от 22 сентября 1941 г. По данным справки отдела спецпоселений НКВД СССР на 15 октября 1941 г. из Краснодарского края было депортировано 38 136 человек, из которых в Новосибирскую область отправлено 7486 человек. (Иосиф Сталин – Лаврентию Берия...С. 66)

Постановление ГКО СССР № 702 сс от 22 сентября 1941 г. о переселении немцев из Запорожской, Сталинградской и Ворошиловградской областей УССР. Большинство из них направлялись в Казахскую ССР. 8357 человек из Запорожья были отправлены в Новосибирскую область.

По постановлению ГКО СССР № 744 сс от 22 октября 1941 г. переселялись 4574 немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР. Новым местом проживания для них была определена Казахская ССР.

Осенью 1941 г. руководство Новосибирской области сочло необходимым обратиться к Берия с просьбой направить дополнительное количество немцев, аргументируя это острой потребностью в рабочих руках. Облисполком просил направить 12 эшелонов спецпереселенцев немцев Поволжья в количестве 26 тысяч человек. Кроме того, еще 20 тысяч человек необходимо было направить для лесозаготовительных работ и 5 тысяч для работ на шахтах Кузбасса. (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 123. Л. 249) Содержание данной телеграммы еще раз подтверждает тот факт, что депортированные немцы воспринимались местным руководством прежде всего как рабочая сила, и облисполком стремился получить как можно больше рабочих рук.

Просьба была удовлетворена за счет немецкого населения Воронежской области, где проживало 5125 немцев. (Депортации народов СССР... С.27). 8 октября Л. Берия направил Сталину документ, в котором говорилось следующее: «в целях предотвращения антисоветской работы со стороны проживающих в Воронежской области немцев НКВД СССР считает целесообразным состоящих на оперативном учете, как антисоветский и сомнительный элемент арестовать, а остальную часть немецкого населения в числе 5013 человек переселить в Новосибирскую область». (Иосиф Сталин – Лаврентию Берия... С. 60). В тот же день было принято постановление ГКО за № 763 сс, в соответствии с которым в Новосибирскую область переселялось все немецкое население Воронежской области в

количестве 5 125 человек. Переселение началось 15 октября, и было завершено к 22 октября 1941 г. (Там же С. 60-61).

Таким образом, в процессе насильственного переселения немцев в Новосибирскую область можно выделить несколько этапов:

1. С 3 по 20 сентября 1941 г. – массовая депортация немцев, проживавших в АССР немцев Поволжья, в Саратовской и Сталинградской областях.

2. В сентябре 1941 г. – переселение немецкого населения из Ростовской области.

3. С 25 сентября по 10 октября 1941 г. – насильственная миграция немцев с территории Краснодарского края и Запорожья.

4. С 15 октября по постановлению ГКО СССР № 734 от 8 октября 1941 г. началась депортация из Воронежской области РСФСР и Грузинской ССР, которая была завершена в Воронежской области 22 октября, в Грузии 30 октября 1941 г.

Данные о том, сколько советских немцев подверглись насильственной миграции в сентябре – октябре 1941 г. несколько отличаются у отечественных исследователей. По подсчетам Н. Ф. Бугая за этот период было депортировано 446.480 немцев (по другим данным 438 280, см. Бугай «их надо депортировать» с. 37, Герман А. А. Депортация немецкого населения из Саратова, Саратовской и Сталинградской областей. С. 277-283.).

Был разработан подробный план размещения немцев по районам Новосибирской области. В соответствии с решением бюро обкома ВКП(б) от 6 сентября 1941 г. прибывающих 100 тысяч человек из бывшей АССР немцев Поволжья предполагалось разместить по 45 районам области. В каждый из указанных районов подлежало расселить от 1 до 4 тысяч человек. На территории современной Томской области планировалось расселить семьи в Кожевниковском и Шегарском районах: 3000 человек и 1200 человек соответственно. (ГАНУ.Ф.П-4.Оп.33.Д.503 "б".Л.146). На вселение людей выделялось выделить 1 626 140 рублей. (ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 5. Д. 18. Л. 276.) Районные исполкомы должны были решить задачу обеспечения немцев зерном, скотом, денежными средствами по предъявляемым обменным квитанциям и актам, составленных на местах выселения. (ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 5. Д. 18. Л. 273).

9 сентября 1941 года Областной исполнительный комитет принял решение об организации питания проходящих эшелонов, контролируемых НКВД. Причем первое время депортированные немцы воспринимались местными органами власти и населением как эвакуированные, но Управление эвакуации населения по Новосибирской области дало разъяснения на этот счет: «...немцев – переселенцев к эвакуированному населению не причислять». (ГАНУ. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 157. Л. 4). В соответствии с решением в

Новосибирской области от 6 сентября 1941 г. прибывающих немцев планировалось расселить по 45 районам области. См. Приложение. Таблица № 1. К 20 ноября 1941 года в Новосибирской области было размещено 120 тысяч спецпереселенцев из числа советских немцев, из которых лишь 4200 человек были расселены в двух районах будущей Томской области (Шегарском и Кожевниковском). (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503. Л. 146.)

Такое неравномерное заселение районов было связано с географической особенностью территории Томской области, между районами которой существовали большие расстояния, некоторые из них были удалены от областного центра на 2 тысячи километров. Кроме того, во многие районы можно было добраться только в весенне-летний период, во время навигации. Не были расселены немцы в 17 районах Кузбасской группы, а также в районах Горной Шории и некоторых других, куда транспортировка была затруднена. (ГАНУ. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 513. Л. 89.)

За декабрь 1941 г. численность депортированных немцев в Новосибирской области увеличилась еще примерно на 4 тысячи и составила 124712 человек (28064 семьи). Практически все из них (98.3%) были расселены в сельской местности. В большинстве районов оказалось в среднем 2,2 тысячи – 2,5 тысячи переселенцев, но были и такие районы, которые разместили более 4 тысяч человек. См. Приложение. Таблица № 2.

За это же время пополнился численный состав спецпереселенцев – немцев и на территории будущей Томской области. Во время войны прописка немцев в городах областного значения была запрещена, исключением стал город Томск, где было расселено 2148 человек, в том числе 848 мужчин и 1250 женщин. (ГАНУ. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 206. Л. 87.)

Не все переселенцы были сразу доставлены до мест расселения, часть из них длительное время находилась на станциях разгрузки. Причиной задержек отправления были отсутствие транспортных средств, необходимых для перевозки или путаница в вопросе, в какой район следует отправлять данное количество людей. В новых местах проживания практически все немцы расселялись в колхозах, совхозах, районных центрах, независимо от того, где они жили до депортации: в городах или в сельской местности. В целом, 1738 колхозов и 39 совхозов области приняли спецпоселенцев. (ГАНУ. Ф.П-4. Оп. 34. Д. 127. Л. 139). Большинство немецких колхозов по прибытии на места расселения пришлось расформировать, так как сибирские хозяйства были небольшие по размерам и не могли вместить целиком всеяемые немецкие колхозы.

Удаленность и труднодоступность северных районов стала причиной того, что их заселение немцами–спецпоселенцами началось с весны 1942 г. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. "О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и

Дальнего Востока" были определены и основные места поселений – районы, которые специализировались на рыбодобыче. Всего за период с 1941 по 1944 гг. На территорию Томской области прибыло 24159 немцев. Больше всего их насчитывалось в Александровском районе – 3495 человек, в Кожевниковском – 3031 человек, в Молчановском – 2537. (ЦДНИ ТО Ф. 607. Оп. 1 Д. 948 Л. Сведения о наличии и движении спецпоселенцев по контингентам и районам Томской области за 1941 – 1944 гг.).

В 1945 г. всего в Томской области насчитывалось 94947 спецпереселенцев, из которых 17262 – немцы. По другим данным их численность на 1 января того же года 17807. Как видно из данных, доля немцев среди депортированных значительна – 18% по области.

Таким образом, в начале Великой Отечественной войны была осуществлена самая массовая насильственная миграция немецкого этноса, проживавшего к западу от Урала. В результате принудительных миграций 1940-х годов сформировалось немецкое население Томской области, в отличие от Алтайского края, Омской, Кемеровской областей, где имелись поселения немцев-переселенцев еще с начала XX века.

Принудительные этномиграции немецкого населения СССР продолжались и во второй половине 1940-х гг. В 1945 году началась депортация советских граждан с территории страны, ранее оккупированной германскими войсками, стремительное продвижение которых в начале войны прервало процесс выселения немцев, проживавших в республиках Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии. Эта акция возобновилась в 1945 году по приказу МВД СССР №1-2120 о выселении немцев из указанных выше республик и продолжалась до конца 1940-х годов.

С 1945 года правительством СССР было осуществлено насильственное возвращение миллионов советских граждан, оказавшихся во время войны по принуждению или добровольно в странах Центральной и Восточной Европы. Репатриация шла преимущественно с территории Германии и Австрии. Большинство репатриированных составили советские немцы, численность которых на спецпоселении в конце 1945 года достигла 203798 человек, из которых взрослых насчитывалось 134014 человек. Всего за период с 1941 по 1945 гг. подверглось принудительному переселению 1 миллион 209 тысяч 430 немцев. Из них с европейской части СССР в восточные регионы страны было выселено 846340 человек, мобилизовано в «Трудовую армию» - 48001 человек (И.Сталин – Л.Берия ....с. 75-76). Таким образом, доля репатриированных среди общего числа немцев, находящихся на спецпоселении в 1945 году составила 22.8%. Размещены они были, по преимуществу, в Таджикской ССР, Коми АССР, Молотовской, Свердловской, Чкаловской, Архангельской, Тюменской, Новосибирской областях, а также во многих других регионов

страны. За 1945 г. на территорию Томской области прибыло 4387 репатриированных немцев. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 15. Л. 125.)

Такое явление как «бандповстанческое движение», как его характеризуют документы того времени, отмечалось на всей оккупированной территории страны, но наибольшее распространение в годы войны оно получило в Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Крымской, Калмыцкой АССР, Карачаевской автономной области, на Украине и в странах Прибалтики. За участие в террористических формированиях определенных групп населения, принадлежащего к различным национальностям, понесли наказание целые народы, среди них и калмыки.

Калмыцкое население в РСФСР в 1937 г. насчитывало 123,6 тыс. человек, из которых 105,1 тыс. (85,1%) проживало в Калмыцкой АССР. Перепись 1937 г. учитывает калмыков также в Ростовской и Сталинградской областях, в каждой из которых проживало более 9 тыс. представителей калмыцкой национальности. (Котов В. И. Депортационные процессы и этнодемографическая ситуация. С. 88 - 89).

В 1942 г. часть территории Калмыкии был оккупирована германскими войсками. Немцы создали Калмыцкий кавалерийский корпус, который насчитывал более 5 тыс. человек и до мая 1945 г. вел борьбу с партизанским движением в Украине, Польше и Хорватии. (Бруль. Сравнительный анализ... С. 327). Имели место и террористические акции на территории Калмыкии, направленные против Красной Армии и советской власти, но к осени 1943 г. органы НКВД ликвидировали террористические группы. Вооруженные выступления против советской власти и Красной Армии среди части населения Калмыкии, факт сдачи в плен 110-ой Калмыцкой кавалерийской дивизии явились достаточно вескими причинами для центрального руководства для «наказания» всего калмыцкого народа.

Заранее были определены места их будущего расселения. Согласно постановлению СНК СССР № 1118 – 346сс от 14 октября 1943 г. Алтайский, Красноярский крайисполкомы, Омский и Новосибирский облисполкомы в двухнедельный срок должны были заняться подготовкой к приему и расселению прибывающих спецпереселенцев – калмыков. (Убушаев «Выселены навечно». О подготовке депортации калмыцкого народа. С.32). Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мерах оказания помощи Калмыцкой АССР, пострадавшей в период немецко – фашистской оккупации, принятое тогда же, в октябре 1943г. (Убушаев «Выселены навечно». О подготовке депортации калмыцкого народа. С. 44). оказалось фарсом, поскольку уже в это время, задолго до обнародования соответствующих законодательных актов партийное руководство знало о готовящейся депортации. Калмыцкую АССР, как национально-государственное образование, постигла та же участь,

что и автономную республику немцев Поволжья. 27 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Указ Президиума ВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», (Л. Берия – И. Сталину...С. 69) в котором говорилось о причинах депортации. Вышедшее на следующий день постановление СНК СССР содержало конкретные мероприятия по организации переселения калмыков. Предполагалось расселить в Алтайском, Красноярском краях и Омской области по 25 тыс. калмыков и в Новосибирской области – 20 тыс. человек. (Иосиф Сталин – Лаврентию Берии...с. 84).

Начавшаяся 28 декабря 1943 г. операция под кодовым названием «Улусы» коснулась в основном калмыцкого населения, проживавшего на территории Калмыцкой АССР. Это был первый этап депортации калмыцкого народа, который продлился до 31 декабря 1943 г. В Новосибирской области, согласно постановлению СНК СССР от 28 декабря планировалось расселить 20 тысяч человек. (И Сталин – Л. Берии: «Их надо депортировать...» С. 84). В итоге в область было отправлено 10 эшелонов со спецпереселенцами – калмыками в количестве 18 333 человек (6659 семей).

Распоряжением СНК СССР от 11 марта 1944 г. № 5475 выселялись калмыков из Ростовской области. Часть из них, по приказу № 00276 наркома внутренних дел СССР от 14 марта 1944 г., подлежали переселению в Омскую область. С 24 марта по 8 апреля шел процесс переселения с этой территории калмыков в Новосибирскую область.

В июне 1944 г. началось переселение в Сибирь калмыков, проживавших в Сталинградской области, но в Новосибирскую область они не поступали.

4-й этап связан с демобилизацией военнослужащих – калмыков. Распоряжением начальника VIII Управления Генерального штаба Красной Армии генерала Смородинова от 8 января 1944 г. всех калмыков – военнообязанных было приказано демобилизовать и направить в Астрахань, где они передавались в ведение НКВД СССР. (Убушаев "Выселены навечно". О подготовке депортации калмыцкого народа. С. 48 - 49).

Данные о том, сколько всего калмыков подверглось насильственному переселению несколько отличаются у разных авторов. В книге «Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919 – 1952 годы» указывается, что всего было депортировано 91 919 калмыков, в основном из Калмыцкой АССР. Документы, опубликованные в сборнике "Л. Берия - И. Сталину", содержат несколько иные данные, согласно которым в начале февраля 1944 г. калмыки были размещены в следующих регионах страны:

Таблица №3.

Расселение калмыков по республикам, краям и областям СССР.

Наименование республик, краев, областей	Всего переселено семей	Всего переселено человек
Казахская ССР	648	2268
Красноярский край	7525	24998
Алтайский край	6167	22212
Омская область	8353	27069
Новосибирская область	5435	16436
Томская область	660	1848
Итого	28148	92983

Основная масса калмыков прибыла в область в конце декабря 1943 г. - январе 1944 года. Уже третьего февраля 1944 г. зам. начальника УВД Новосибирской области Корнильев докладывал И. Т. Гришину о том, что расселение спецпереселенцев – калмыков завершено. 16436 калмыков (5435 семей) были расселены в 16 районах области, в том числе 1 288 человек (509 семей) в Томском районе. (ГАНУ. Ф. 1020. Оп. 5а. Д. 76. Л. 39). В пути следования эшелонов умерло 194 человека. как указывалось в докладе, основной причиной смертности послужили простудные заболевания и старость. По прибытии в область были госпитализированы в районные больницы еще 264 человека, из которых 34 умерло. (ГАНУ. Ф. 1020. Оп. 5а. Д. 76. Л. 39).

Начало второму этапу было положено в марте 1944 г. операцией по выселению калмыков, проживающих на территории Ростовской области. 24 марта заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернов уведомил УНКВД Новосибирской области в том, что туда из Ростовской области направляются спецпереселенцы - калмыки. Всего в Сибирь отправлялось 2500 человек, из которых 1600 должны были прибыть на станцию Черемошники для лесоперевалочного комбината и 900 – в Шегарский район для работы в сельском хозяйстве. (Ссылка калмыков. Как это было. Т. 1 с. 87). Область приняла даже больше людей, чем указывалось в плане. Эшелон № СК – 445 со спецпереселенцами - калмыками прибыл 8 апреля в количестве 2536 человек (753 семьи), в том числе 489 мужчин, 881 женщина и 1116 детей. В пути следования эшелона умерло 12 человек. План расселения прибывших был уже иной. 449 семей (1592 человека) направлялись для работы в Томский

лесокомбинат и 25 семей (95 человек) – в Томское пароходство. Остальные 849 человек трудоустраивались на предприятиях современной Новосибирской области. (Ссылка калмыков. Как это было. Т. 2 С. 90). Буквально в течение нескольких дней решения о местах расселения и трудоустройстве спецпереселенцев изменялись. Причинами тому были в большинстве случаев письма от руководства местных предприятий с просьбами о «дополнительном обеспечении рабочими руками из числа спецпереселенцев». Рассмотрев подобные письма, вышестоящие органы власти изменяли первоначальные решения о местах вселения прибывающих.

Продолжали прибывать в Новосибирскую область демобилизованные офицеры и красноармейцы из числа калмыков, которых к маю 1944 г. в области насчитывалось 5111 человек. (И. Сталин – Л. Берии...С. 10).

Всего в 1944 году в Томской области на спецпоселении числилось 2 188 калмыков, причем подавляющее большинство их было размещено в г. Томске – 1 893 человека. За это же время по разным причинам убыло 142 калмыка и на 1 января 1945 г. их насчитывалось в области 2 046 человек. В последующие годы численность калмыков постоянно уменьшается. На 1 января 1949 г. их уже 1 018 человек.(ЦДНИ ТО Ф. 607. Оп. 1 Д. 948).

Анализ законодательной базы депортации калмыцкого народа позволяет выявить несколько отличительных черт ее проведения. Практически все калмыки были переселены в пределах РСФСР, в отличие от депортации других народов страны, которые были расселены в значительной мере и в Казахской, Киргизской, Узбекской ССР. Несколько иным было и содержание инструкции по выселению в части определения количества имущества, которое разрешалось брать калмыкам. Общий вес его не должен был превышать 100 кг. на каждого члена семьи и 500 кг. на семью, в то время как советским немцам предел был установлен в 1000 кг. на семью.

1. 2. Частичные депортации

Насильственное переселение польских осадников и беженцев в 1939 - 1941 гг.

Первой массовой этнической депортацией с территории европейской части СССР стало переселение польских осадников и их семей из Западных областей Украины и Белоруссии в 1939 г.

Осадники - это бывшие военнослужащие польской армии, получившие за заслуги в советско-польской войне 1920 года земли в районах, населенных украинцами и белорусами.

На этих территориях они выполняли, как правило, полицейские функции. После включения в 1939 г. в состав СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, осадники были объявлены "злейшими врагами трудового народа" и практически все, вместе с семьями депортированы в глубь Советского Союза.

Правовым основанием принудительного переселения были следующие документы: приказ НКВД СССР №001227 от 11 октября 1939 г. с приложением инструкции о порядке проведения депортации "Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников" и инструкция о порядке переселения польских осадников из западных областей Украины и Белоруссии от 29 декабря 1939 г. за подписью наркома внутренних дел СССР Л.Берия. (Парсаданова В.С. Депортация населения... с.32.) Выселение началось одновременно в УССР и БССР 10 февраля 1940 г. (Иосиф Сталин - Лаврентию Берия... с.26).

В западной и польской литературе выделяют обычно четыре этапа депортации поляков (Парсаданова В. С. С. 30):

- 1) 10 февраля 1940 г. - арест и принудительная высылка основной части осадников и польских государственных служащих местного самоуправления.
- 2) 13 апреля 1940 г. - высылка "на трудпоселение" богатых крестьян ("кулаков"), части населения приграничных территорий, семей высланных в феврале 1940 г.
- 3) Июнь - июль 1940 г. - депортация из западных областей СССР беженцев из Центральной и Западной Польши.
- 4) Июнь 1941 г. - насильственное переселение людей, но не из Западной Украины и Западной Белоруссии, а из Литовской ССР (Виленщины).

Таким образом, депортации подвергались не только осадники, но и бывшие служащие польского государственного аппарата, органов полиции, вместе с семьями, а также беженцы с территории Польши, оккупированной германскими войсками.

При выселении людям разрешалось брать с собой личные вещи и мелкие бытовые инструменты, но общий вес вещей был ограничен 500 кг на семью (Иосиф Сталин - Лаврентию Берия... с. 25). Отправка к местам поселения осуществлялась по железной дороге, эшелонами.

Поляки направлялись в Кировскую, Пермскую, Вологодскую, Архангельскую, Ивановскую, Ярославскую, Свердловскую, Омскую и Новосибирскую области, Красноярский и Алтайские края, Коми АССР. (Иосиф Сталин - Лаврентию Берия... с. 25).

К апрелю 1940 г. ареал размещения поляков оказался обширнее - 139596 человек были расселены в 37 краях и областях. (Парсаданова В.С. Депортация населения... с. 36).

Таким образом, в 1940 году новый контингент спецпоселенцев - "польские осадники и беженцы", который был многонациональным по своему составу. Среди этой категории депортированных были, кроме поляков, евреи, украинцы, белорусы, немцы и другие.

Ответственность за прием и расселение поляков возлагалась на Наркомлес СССР, поскольку подавляющая часть этих спецпоселенцев была определена на лесоразработки. В места предполагаемого расселения были посланы необходимые инструкции по подготовке к приему спецпереселенцев из числа осадников.

Новосибирская область должна была подготовиться к приему осадников к третьему февралю 1940 г. Представители УНКВД области провели совещания с секретарями РК ВКП(б) и председателями районных исполкомов, на которых обсуждались вопросы размещения спецпоселенцев в районах.

Всего в Новосибирскую область планировалось вселить 800 семей поляков. Из них в Пышкино-Троицкий район отправлялись 200 семей (945 человек) (ГАНУ.Ф.1020.Оп.4а.Д.17.Л.5-6.). Из этого числа спецпоселенцев, первоначально планировалось расселить 150 семей в Улу-Юльском спецпоселке и 50 семей в Чичка-Юле. Но при расселении в Улу-Юле оказались 160 семей (758 человек), в Чичка-Юле - 40 семей (184 человека) поляков. (ГАНУ.Ф.1020.Оп.4а.Д.17.Л.16). Это были осадники и бывшие служащие польского государственного аппарата, высланные вместе с семьями. Подобные изменения в планах расселения людей были не редки. Чаще всего причиной их являлись соображения "хозяйственной необходимости", когда спецпоселенцев, в зависимости от потребностей в рабочих руках колхозов или предприятий промышленности, перемещали из одного поселка в другой. После окончания второго этапа депортаций, в Новосибирской области спецпоселенцы из западных областей Украины и Белоруссии были размещены также и на территории Тимирязевской государственной лесной дачи Томского района.

Самая массовая акция по насильственному переселению поляков была проведена летом 1940 г., в итоге которой на 5 октября 1940 г. на спецпоселении в Новосибирской области находилось 6091 семья, 19569 человек польских осадников и беженцев (в документах УНКВД Новосибирской области и областного исполкома они обозначались еще одним словосочетанием - "спецпереселенцы с Запада"). Из них в Зырянский район были направлены 1260 семей; 3439 человек; в Тегульдетский - 962 семьи, 2968 чел., в Асиновский - 864 семьи, 2480 чел., в Томский - 870 семей, 3418 чел., Пышкино-Троицкий - 184 семьи, 936 чел., Туганский - 315 семей, 691 человек. Всего на территории Томской области было расселено 4505 семей; 13071 чел. "спецпоселенцев с Запада" (ГАНУ.Ф.1020.Оп.4а.Д.17.Л.36).

Таким образом, подавляющая часть этого контингента спецпоселенцев была размещена по районам, вошедших в дальнейшем в состав Томской области. По более поздним данным, к 19 ноября 1940 г. в Новосибирской области находилось 6092 семьи (19680 человек) «осадников» и беженцев. (ГАНУ. Ф. 1020. Оп. 4а. Д. 17. Л. 36.)

Во время четвертого этапа депортации переселение осуществлялось уже не только из западной области Украины и Белоруссии, но и из Прибалтики и Молдавии. По решению Новосибирского областного исполкома от 23 июня 1941 г., в области планировалось расселить 17815 человек, в том числе 9115 человек из Эстонии, 5000 человек из Белоруссии и 3700 человек из Латвии. Высланные из Эстонской ССР размещались в 26 районах, из которых 240 человек - в Томском районе и 400 человек - в г. Томске. (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503с. Л. 76-79.) Депортированные из Белорусской ССР подлежали расселению по 16 районам области, в том числе 400 человек в Кожевниковском, 300 - в Кривошеинском, и 340 человек в Чаинском районах. (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503с. л. 84.) Прибывшие ссыльно-поселенцы из Латвийской ССР направлялись в четыре района области, среди которых был и Шегарский район, где размещались 700 человек. (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503 с. л. 76-79.)

Но на 5 июля 1941 г. численность спецпереселенцев с западных территорий страны в Новосибирской области возросла до 21815 человек, из которых 16445 человек уже были расселены. На территории нашей области оказались 7342 человека (т.е. почти половина спецпоселенцев). География их размещения по районам выглядела следующим образом:

Таблица № 4.

Размещение спецпереселенцев с западных территорий страны по районам будущей Томской области.

№№ п/п	Район расселения	Количество человек
1	Колпашевский	1500
2	Парабельский	1447
3	Васюганский	1000
4	Каргасокский	983
5	Томский	675
6	Верхне-Кетский	632
7	Александровский	404
8	Чаинский	378

9	Бакчарский	323
		Итого 7342

По данным В.Н.Земскова, по завершении всех этапов депортаций, по состоянию на 1 апреля 1941 г. на спецпоселении насчитывалось 380 тыс. человек осадников и беженцев, из которых в Новосибирской области было расселено 19628 чел. (Земсков В.Н. Спецпоселенцы //Социалогические исследования. 1990. №11. с. 7-8).

В.С. Парсаданова приводит несколько другие данные: всего осадников и беженцев было переселено 213698 человек, а зажиточных крестьян, бывших государственных служащих, интеллигенции, военнослужащих с семьями - 959482 человека. Таким образом, всего из западной области Украины и Белоруссии депортации подверглось 1 млн. 173 тыс. 170 человек (цифра дана В.С.Парсадановой со ссылкой на ЦГАОР СССР). (Парсаданова В.С. Депортация... с. 36).

Принудительное переселение населения из Западной Украины и Западной Белоруссии прекратилось на некоторое время с началом Великой Отечественной войны. Между польским эмигрантским правительством и правительством СССР 30 июля 1941 г. было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории Советского Союза. К соглашению прилагался протокол, в соответствии с которым советское правительство предоставляло амнистию всем польским гражданам, содержащимся на советской территории. (Документы и материалы по истории советско - польских отношений. Т. VII., Москва: Наука, 1972. 498 с.,... с. 208).

12 августа 1941 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии всех польских граждан". (Парсаданова В.С. Депортация... с. 44). Но, поскольку в СССР гражданство определялось в то время по национальному признаку, польскими гражданами среди жителей Западной Украины и Белоруссии считались только поляки по национальности. Поэтому амнистия не распространялась на евреев, украинцев, белорусов, проживавших ранее в западных областях Украины и Белоруссии. Не были амнистированы и некоторые поляки, т.к. советское руководство не рассматривало в качестве польских граждан тех, кто до 17 сентября 1939 года принял гражданство Литвы, Латвии и после вхождения данных территорий в состав СССР, стали гражданами Советского Союза. Кроме того, не были освобождены поляки, попавшие на спецпоселение и в лагеря за воинские преступления; члены семей оуновцев и ряд других лиц. Поэтому представляются нереальными данные справки Л.П.Берия, адресованной Сталину, в которой говорится, что из 389382 человек в соответствии с Указом об амнистии бывших польских граждан

освобождено из лагерей, спецпоселений и ссылок 389041 человек, т.е. не были амнистированы всего 341 человек. ("Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений..." Л.Берия - И.Сталину. Подборка документов.//История СССР. 1991.№1. с. 143-160... с. 153).

Среди оставшихся на спецучете поляков по постановлению ГКО №3294 от 6 мая 1943 г. формировались воинские подразделения из поляков, вошедшие в состав польской армии. Выполняя постановление, военкоматы Новосибирской области с 14 по 22 мая проводили призыв годных к строевой службе бывших польских граждан, оставшихся на тот момент в регионе. Призыву подлежали поляки из числа старшего и среднего офицерского состава в возрасте до 50 лет; младший офицерский состав до 45 лет и рядовые в возрасте от 18 до 40 лет включительно. Все перечисленные категории подлежали призыву, независимо от места их работы, в том числе и те, кто был передан в ведение НКВД.

Не исключался и отбор добровольцев из числа бывших польских граждан не поляков по национальности. Годные к службе в качестве медперсонала женщины – полячки в возрасте от 18 до 30 лет также ставились на учет в районных и городских военкоматах.(ЦДНИ ТО.Ф.80.Оп.3.Д.261.Л.8-9.).

В конце 1945 – начале 1946 гг. многие поляки и евреи из числа бывших польских граждан, получили возможность эмигрировать в Польшу. Этому предшествовал следующие события. 6 июля 1945 г. между правительством СССР и Временным правительством Национального Единства Польской республики было заключено соглашение, где говорилось о создании совместных советско – польских комиссий (республиканского, краевого, областного уровней), задачей которых было рассмотрение ходатайств лиц польской и еврейской национальностей о выходе из гражданства СССР и эвакуации в Польшу. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 12. Л. 3.)

Право на переселение в Польшу получали те заявители, которые могли подтвердить документально, что они являлись польскими гражданами до 17 сентября 1937 г. Члены семей лиц, желающих уехать в Польшу, должны были представить в Комиссию документы о том, что они состоят в родстве с переселяющимися. Дети польской и еврейской национальностей, находящиеся в детских домах Советского Союза, также получали право выехать в Польшу. Срок подачи заявлений устанавливался до 1 января 1946 г., а срок переселения – до 15 июня 1946 г. не принимались заявления от бывших польских граждан, находящихся в местах заключения, только по истечении срока заключения, их заявления рассматривались в комиссиях.

Подобная специальная комиссия была создана и при Томском областном исполкоме. Особенно напряженный период ее работы пришелся на зиму 1945 г. К сожалению, автору работы не удалось найти в архивах полных данных о том, сколько всего заявлений было удовлетворено. Но о том, что очень многие поляки и евреи, желали эмигрировать в Польшу, говорит тот факт, что только 25 декабря 1945 г. было удовлетворено 15 заявлений, 31 декабря того же года 9 человек получили разрешение на выезд.

В конце войны и в послевоенные годы депортации из Западной Украины и Западной Белоруссии возобновились. В период с 1944 по 1952 г.г. насильственному переселению подверглись члены организации ОУН-УПА (организация украинских националистов - Украинская повстанческая армия), так называемые "оуновцы", а также лица, обвиненные в пособничестве этой организации. Самая большая группа их в количестве 904 человек прибыла в составе эшелона № 97482, который был отправлен со станции Эдолбуново Львовской железной дороги и прибыл на ст. Асино 16 апреля 1949 г. Ответственность за отправку "оуновцев" к местам поселений возлагалась на представителей треста "Томлес". Часть спецпоселенцев (452 человека) планировалось трудоустроить в рабочем поселке Батурино на Лайском мехлеспункте, другие 449 человек в Ергайском мехлеспункте Кривошеинского района. Но руководство "Томлес" не приняло необходимых мер для организации людей к местам расселения. Только в начале мая "оуновцы" были доставлены к пунктам назначения. (ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 242. Л. 189-190.). Всего на февраль 1950 г. на спецпоселении НКВД СССР находилось «»»»»» человек из числа «оуновцев», 983 из них были размещены в Томской области.

Депортации населения из республик Прибалтики, из Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии в 1941г.

В середине 1940 года в состав СССР были включены Бессарабия и Северная Буковина. С объединением левобережной и правобережной Молдавии была восстановлена целостность народа и образована Молдавская ССР. На присоединенных территориях проживало около 90 % населения республики. Соединение двух различных по своему общественно – политическому строю и экономическому развитию частей не могло не породить многочисленных трудностей.

После включения в 1940 году в состав Советского Союза территорий Прибалтики, практически сразу стали осуществляться насильственные выселения больших масс людей, отнесенных к категории «антисоветский элемент». Продолжавшиеся в течение десятилетия

волны насильственных миграций из республик Балтии имели ярко выраженный социальный характер.

Причины депортации из присоединенных регионов, с точки зрения руководства страны были вполне оправданы. В условиях надвигающейся войны необходимо было укрепить территории, расположенных вдоль западных и юго-западных границ, на которые мог обрушиться первый удар другого государства.

Принудительное переселение людей началось практически одновременно по всему западному региону. В мае - начале июня 1941 г. шла активная подготовка проведения акции по депортации.

Операция по выселению прибалтов планировалась задолго до 1941 г., о чем свидетельствует Указ Правительства от 11 октября 1939 г. № 001223 «О регистрации всех антисоветских элементов без учета их вины или невиновности». К Указу прилагалась инструкция «Относительно способа проведения депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии», подписанная заместителем наркома госбезопасности СССР И. Серовым. (Инструкция. // Радуга. 1989. № 11. С. 49), в которой кроме типичных пунктов о механизме проведения «операции» имелись и определенные отличия. Так, было значительно меньше, по сравнению с другими депортированными народами, общий вес имущества, который разрешалось взять с собой при высылке прибалтам. Он составлял 100 кг. на семью. Очевидно, руководство страны посчитало, что вполне обоснованно изъятие практически всего имущества у «социально – чуждых элементов».

Наиболее масштабная довоенная депортация гражданского населения была осуществлена в середине июня 1941 г. 14 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии». Категории высылаемых были многочисленны и разнообразны, среди них выделялись следующие: члены семей бывших активных членов националистических организаций, офицеров (в том числе и служивших в Красной Армии); члены семей бывших охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков, бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников; члены семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к высшей мере наказания.

По национальному составу большинство из них составляли поляки, литовцы, латыши, эстонцы, украинцы. Большая часть из них попали в сибирский регион.

Исследователям до сих пор не удалось найти среди архивных документов какого-либо конкретного постановления ЦК ВКП(б) или СНК СССР, санкционировавшее эту акцию по депортации. Но некоторые факты дают основание предполагать, что такие постановления

существовали. В качестве подтверждения этого, В.Н. Земсков приводит фрагменты некоторых документов. В одном из них упоминается, что выселение проводилось по плану НКВД - НКГБ, утвержденному 14 июня 1941 г., в другом говорится, что "Выселение произведено по распоряжению т.Берия от 14/VI-41 г., данного им в соответствии с указанием правительства". (Цит. По Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940 - 1950 - х годах. //Отечественные архивы. 1993. - 51. с. 4-19). Земсков делает вывод, что согласно данному распоряжению проводилось насильственное переселение из Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии.

В источниках и литературе имеются большие разночтения о том, сколько всего людей было депортировано из республик Балтии в 1941г. Согласно одним документам из Прибалтики было выслано 25 714 человек, в том числе 10 187 литовцев, 9546 латышей, 5978 эстонцев (Иосиф Сталин – Лаврентию Берии...с. 205). По данным В. Н. Земскова, в июне–июле 1941 г. из республик Прибалтики в ссылку на спецпоселение было отправлено 25 586 человек (12 682 человека из Литвы, 9236 человек из Латвии, 3668 человек из Эстонии). В телеграмме, отправленной 13 июня 1941 г. из Москвы в Ригу, другая цифра – 11 022 человека подлежали высылке из Эстонии. По сведениям историка Э. Лааси в июне 1941 г. из Эстонии было выслано 10 157 человек, из них мужчин в возрасте от 20 до 49 лет (т. е. тех, кто мог быть социально опасен) было 2158 человек, или 21,5 %, тогда как детей в возрасте до 14 лет было 28,4 %.(Лаар М. К 50-летию... С. 65.).

Часть высланных эстонцев была размещена и в Томской области, в основном по северным районам. (ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 934. Л. 166).

Таблица №5

**Количество ссыльнопоселенцев, прибывших в Томскую область
из Эстонской ССР в 1941г.**

№.№ п/п	Наименование района	Всего человек	Всего семей
1	Александровский	145	110
2	Бакчарский	116	84
3	Васюганский	311	250
4	Каргасокский	161	118
5	Колпашевский	10	10
6	Кривошеинский	150	112
7	Парбигский	12	11

8	Чаинский	319	392
		1424	1093

Среди прибывших явно преобладали женщины, которых насчитывалось 1265 человек (или 88,8 %) от общего числа депортированных в область эстонцев, а в некоторых районах их расселения эстонки составляли от 75 % до 100 %.

23 июня 1941 года состоялось «суженное заседание» Новосибирского областного исполкома по вопросу о размещении в области 3700 человек, направленных из Латвийской ССР. Из прибывающих планировалось расселить по четырем районам, в том числе в Шегарском – 700 человек, куда они были доставлены из г. Новосибирска водным путем, на пароходах. (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 55 «с». Л. 80). Еще одно многочисленное вселение прибалтов произошло в 1943 г., когда из Эстонской ССР было направлено 9 115 человек. На «суженном заседании» областной исполком решил расселить спецпереселенцев по 25 районам. 240 эстонцев должны были разместить в Томском районе и 400 - в городе Томске.(ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503 «с». Л. 74-79).

По данным НКВД, касающимся всех ссыльнопоселенцев из Прибалтики, Молдавии, западных областей УССР и БССР, прибывших в Новосибирскую область, из 19362 человек было: фабрикантов-заводчиков – 834, помещиков-кулаков – 4152 чел, духовенства – 84 чел., крупных торговцев и домовладельцев – 3012, жандармов и офицеров – 2616 чел., других – 8664 чел., (Пасат В. И. Депортация антисоветских элементов из Молдавской ССР в 1941 году. Власть и общество в СССР: политика репрессий (20 – 40-е гг.). Сборник статей. Москва, 1999 г. с. 313) но по утверждению исследователя, такие подсчеты были явно сфальсифицированными и завышенными. По Новосибирской области из 19362 поселенцев было 8974 женщин и 6748 детей до 16 лет, т. е. почти 16 тыс. человек являлись членами семей. (Там же. с. 313.).

Именно социальное происхождение, а не реальные действия являлись главным основанием для выселения, выселяли дочерей торговцев, жен владельцев кондитерских и других.

В итоге, на 1 января 1953 г. на учете спецпоселений состояли 14.3 тыс. человек, депортированных из Прибалтики до войны, из них 3935 проживало в Томской области. (Земсков В. Н. Принудительные миграции...С. 4). Расселены они были по разным районам области. Например, в Парбигском районе осенью 1945 г. насчитывалось около 100 семей (приблизительно 500 человек) из Прибалтийских республик, высланных в район в 1941 году.

В основном это были литовцы из «реакционного состава, участники разных партий». (ЦДНИ ТО Ф. 607. Оп. 1 Д. 282. Л. 3).

В последующие годы их численность значительно снизилась по причине высокой смертности, особенно в первые две зимы на спецпоселении, в основном это были старики и дети, часть людей бежала, другие из мест высылки попадали в лагеря. В 1948 г. в Томской области проживало 1093 эстонских семьи (1424 человека), высланных в 1941 г., а мужчин – глав семей – насчитывалось только 159 человек. (ЦДНИ ТО Ф. 607. Оп. 1 Д. 934. Л. 166).

После принятия упоминавшегося выше постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 июня 1941 года «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии» в Новосибирской области стал пополняться состав ссыльнопоселенцев из числа населения западных областей Украины, Белоруссии и Молдавии.

В Молдавской ССР бывший актив различных буржуазных партий, офицеры белой армии, помещики, крупные офицеры и торговцы обвинялись в антисоветской деятельности прорумынской ориентации. 21 мая 1941 года за подписью Л. Берия всем начальникам управлений НКВД СССР северных и восточных районов страны была направлена шифротелеграмма о том, что согласно решению правительства в эти области из западных областей СССР направляются на поселение на 20 лет члены семей, главы которых репрессированы или находятся на нелегальном положении. Их предписывалось расселить по районам области, края, исключая областные центры на расстоянии не ближе 10 километров от железной дороги. (Пасат В. И. Депортация антисоветских элементов из Молдавской ССР в 1941 году. Власть и общество в СССР: политика репрессий (20 – 40-е гг.). Сборник статей. Москва, 1999 г. с. 304). В данной шифротелеграмме Берия ссылается на решение правительства, однако подлинник этого постановления до сих пор исследователям найти не удалось.

В мае – июне велась ускоренная подготовка проведения операции Л. Берией был утвержден окончательный план выселения, определявший число этапированных в 60 тыс. человек и соответствующие расходы в 13 млн. руб. (Там же. с. 307.).

В соответствии с этим планом из Молдавии в Козельщанский и Путивльский лагеря направлялись главы семей в количестве пяти и трех тысяч человек соответственно. А их семьи (33 тысячи человек) предполагалось направить в следующие области: в Южно-Казахстанскую, Актюбинскую, Карагандинскую области – 11 тыс. человек, Кустанайскую, Кызыл-Ординскую, Омскую области – 1 тыс. человек, Новосибирскую область – 10 тыс.

человек; в качестве резерва определялась Кировская область, куда при необходимости предполагалось выселить 6 тыс. человек. (Там же. с. 307.).

По состоянию на 1 октября 1941 г. было выселено из Молдавской ССР 22648 человек, из них размещены в Казахскую ССР – 9954, Коми АССР – 352, Красноярский край – 470, Новосибирскую область – 5787, Омскую область – 6085. По половозрастным характеристикам: в Новосибирскую область прибыло 1287 мужчин, 2532 женщины, 1958 детей до 16 лет. (Пасат с. 312.). По данным на февраль 1942 г. в области находились 1940 семей – 5880 человек (1291 мужчина, 2529 женщин, 2060 детей). (Там же с. 312.).

Следующий этап массовых насильственных миграций из Украинской, Белорусской, Молдавской ССР начался уже в послевоенное время. В феврале 1950 года Томский обком ходатайствовал перед МВД СССР о вселении на территорию области рабочих из состава спецконтингента МВД. Просьбу свою местное руководство объясняло крайней нехваткой рабочих рук в северных районах области для развития сельского хозяйства, лесной промышленности и других отраслей. Всего необходимо было вселить в Томскую область в течение ближайших трех лет 50 тысяч рабочих, в том числе в 1950 году – 25 тысяч, из которых 8 тысяч для лесной промышленности. (ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1317. Л. 34).

Во исполнение приказа по министерству лесной и бумажной промышленности СССР за № 47-пс от 1 марта 1950 года и приказа Главсиблеса № 2с от 13 марта, в распоряжение треста поступают 2 500 семей спецконтингента. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 54.). 19 – 20 апреля на станцию Асино прибыл первый эшелон со спецконтингентом, который после открытия навигации был отправлен в следующие ЛПХ:

Тегульдетский – 300 чел.

Берегаевский – 700 чел.

Зырянский – 200 чел.

Неизвестно, каким образом руководство области собиралось размещать запрашиваемых у МВД восемь тысяч человек до отправки их в предприятия треста, когда даже из прибывших в апреле 1200 человек лишь 750 были размещены в общежитиях на ст. Асино, другие остались без жилья. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 93.). Для решения этой проблемы исполняющий обязанности управляющего треста «Томлес» Лабзовский обратился с просьбой в УМВД по Томской области оказать помощи в размещении спецконтингента в с. Асино. (там же.). Днем позже им было составлено ходатайство перед Томским областным исполкомом о выделении помещения для спецпереселенцев, прибывших на ст. Асино. В нем говорилось, что трест не имеет бань, помещений для организации медпункта. На просьбу выделить на один месяц для размещения переселенцев клуба и бани Асиновского лесозавода

в пос. Пойма, директор завода ответил отказом, ссылаясь на отсутствие каких – либо указаний со стороны областного исполкома. В прошлые годы эти помещения нередко использовались для временного расселения рабочих. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 72.). Ходатайства руководства треста в областной исполком идут и по вопросу организации медпункта в Асино. С этой целью трест просит исполком дать указание райздравотделу оказать помощь Асиновскому ЛПК, куда прибывают спецпереселенцы. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 75).

Совершенно очевидно, что без предварительного согласования с вышестоящим начальством никто из местного руководства не принимал даже незначительных решений. Все организации и предприятия области, где были трудоустроены спецпереселенцы, в обязательном порядке должны были ставить в известность обо всех проблемах, связанных с данной категорией рабочих, главные инстанции области: УНКВД (УМВД), обком партии, областной исполком. Поведение директора Асиновского лесозавода являлось привычной тактикой руководства низшего звена перекладывать ответственность за принятие решений на вышестоящее начальство. С другой стороны, отказ его разместить прибывших людей в помещениях лесозавода может быть и определенным показателем следующих тенденций: предприятия, которые служили только пунктами «передержки» спецпереселенцев и не «выигрывали» от этого, не получали рабочих из числа спецконтингента, стремились избавиться от лишних забот и использовать пустующие помещения прежде всего для собственных нужд.

Еще один эшелон прибыл на ст. Асино 17 июня того же года в количестве 1012 человек. Распоряжением УМВД их размещают по следующим ЛПХ:

Зырянскому – 300 чел.

Тегульдетскому – 200 чел.

Берегаевскому – 200 чел.

Пышкино – Троицкому – 200 чел.

Лайскому – 200 чел.

До пунктов назначения их перевозят водным путем из пос. Пойма. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 111.).

23 июня 1950 года в трест пришло сообщение УМВД, в котором говорилось, что в предприятия лесной промышленности треста направлены 4 эшелона со спецпереселенцами в количестве 4 200 человек. Пункт их разгрузки – ст. Томск – 2, пункт передержки – г. Томск. (ГАТО. Ф. Р-85 8. Оп. 9. Д. 2. Л. 112.). Это сообщение, как и сотни других подобных ему, содержало подробный план мероприятий, необходимых для расселения и трудоустройства

прибывших. Механизм переселений был отлажен настолько, что, просуществовав десятки лет, практически не подвергся изменениям. В следующем документе приложение расселения данных спецпереселенцев по леспромхозам северных районов области.

Имеющиеся сведения дают представление о количестве прибывших спецпоселенцев в область для трудоустройства на предприятиях треста «Томлес». Всего за период с 1 мая по 12 августа 1950 года прибыло 8270 человек (в том числе мужчин 2471, женщин 3645, детей 21554). Из всех прибывших для трудоустройства только 3778 человек были трудоспособными. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 144). Все они были расселены по северным районам области.

Депортация прибалтов в 1945 – 1949 гг.

Послевоенные годы характеризуются наиболее массовым выселением прибалтов. Сложность восстановления советской власти в Прибалтике, сопровождавшегося сопротивлением отдельных групп населения, значительно расширили контингент депортируемых. После ликвидации отдельных банд, в Балтийском регионе начались массовые выселения семей «участников» и «пособников» этих «банд». Советское руководство прибегло к уже испытанному способу наведения порядка – депортации трех народов.

Выселение из Прибалтийских республик осуществлялось в соответствии со следующими директивными распоряжениями: телеграфное распоряжение НКВД СССР от 16 июня 1945 г., директива МВД СССР от 10 декабря 1946 г. и приказ МВД СССР от 18 декабря 1946 г. о выселении из Литовской ССР членов семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, а также пособников бандитов – кулаков с семьями. (Земсков В. Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940 - 1950-х годах. //Отечественные архивы. 1993. №1. с. 4-5).

Литва больше других из Прибалтийских республик пострадала от депортации 1948 г. В новой инструкции, объявленной приказом министра госбезопасности СССР, № 00118 от 16 марта 1948 г. указывалось, что выселяются все совершеннолетние члены указанных выше семей и их близкие родственники, проживающие совместно. Несовершеннолетние и нетрудоспособные члены семей следуют к месту выселения со своими родными. (Бугай Н. Ф. Л. Берия - И. Сталину...С. 192).

В середине мая 1948 г. все планы по проведению операции под кодовым названием «Весна» были разработаны и утверждены. Всего было намечено к изъятию в Литве 12 134 семьи (48 000 человек). (Бугай. Н. Ф. Л. Берия «Их надо депортировать...» С. 198). Депортированных было больше, по данным Бугая всего их было в 1948 г. 49 331 человек. (Бугай. Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 229). Однако из-за частичной убыли (смертность, побеги и др.) численность литовцев, прошедших переучет в конце 1948 г. была значительно меньше и составила на 1 января 1949 г. 46 940 спецпереселенцев, высланных из Литовской ССР в 1945-1948 гг. (Земсков В. Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940 - 1950-х годах. //Отечественные архивы. 1993. №1. с. 5).

Эшелоны с депортируемыми следовали к местам назначения около двух недель и в начале июня стали прибывать в восточные районы страны. На 1 июля 1948 г. численность спецпоселенцев – литовцев в области оставалась еще такой же, как и на 1 января 1948 г., а именно: в Томской области находилось 701 семья (2500 человек из Литвы), из них в Асиновском районе – 142 семьи (474 чел.), Зырянском – 40 семей (138 чел.), Кривошеинском – 15 семей (41 чел.), Пышкино-Троицком – 41 семья (161 чел.), Томском – 209 семей (767 чел.), Шегарском – 33 семьи (112 чел.), Тегульдетском – 38 семей (135 чел.) и в г. Томске – 183 семьи (672 чел.). (Архив УВД Томской области. 4 спец. отдел. Ф. 20. Дислокация расселения высленцев, спецпоселенцев, расселенных в Томской обл. за 1948 г. Л. 2 – 26).

Во второй половине 1948 г. в область прибыло 2 583 литовца. Больше всего их было размещено в Томском районе (776 человек) и в самом г. Томске (706 человек), а также в Асиновском районе (490 человек). На 1 января 1949 г. спецпереселенцев – литовцев в области насчитывалось 2 492 человека, убыло за год 91 человек.(ЦДНИ ТО Ф. 607 Оп. 1. Д. 948).

Согласно Справке о спецпоселенцах, ссыльно – поселенцах, административно – ссыльных и высланных, расселенных на территории Томской области, на 1 апреля 1948 г. числилось на спецпоселении 28 465 семей (75 163 человека), из них депортированных немцев, калмыков, литовцев – всего 8198 семей (24 644 человека). Кроме того, необходимо учесть, что некоторое время высланных из Прибалтики относили к «ссыльно – поселенцам». Их на на тот же период насчитывалось в области 5 034 человека.(ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1 Д. 729. Л. 129-130).

В 1949 г. картина существенно изменилась. Если в 1948 году насильственному переселению подверглись в основном литовцы, то в 1949 году - все три нации. Депортация 1949 г. считается крупнейшей.

Правовым основанием для нее было постановление Совета Министров СССР № 390-138 сс от 29 января 1949 г. «О выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов». (Бугай. Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 191). Судя по перечисленным категориям, подлежащих выселению, депортация 1949 г. должна была стать наиболее массовой из послевоенных акций по выселению людей из Прибалтики.

Правительства этих республик поддерживали решение правительства СССР о необходимости «ликвидации кулачества как класса путем его выселения за пределы республик». В Литве, Латвии, Эстонии были приняты постановления соответствующих Советов министров о выселении навечно кулаков и членов их семей.

Операция под кодовым названием «Прибой» проводилась Главным управлением внутренних войск МГБ СССР. Численность депортированных по каждой категории (кулаков с семьями, членов семей осужденных бандитов и участников националистических организаций, легализованных бандитов и их семей) определить достаточно сложно, имеются общие данные о количестве высланных. В результате этой операции с территории трех республик было депортировано 30 630 семей, 94 779 человек, в том числе из Литвы – 9 518 семей, 31 917 человек, из Латвии – 13 624 семьи, 42 149 человек и из Эстонии – 7 488 семей, 20 713 человек. Кроме того, дополнительно было выселено еще 757 семей, 2 775 человек, которые ранее по ошибке не были депортированы, либо скрывались какое – то время. Среди них 25 708 мужчин, 41 987 женщин и 27 084 детей до 16 лет. Таким образом, 72,9 % населения Балтии, подвергшегося насильственной миграции, составили женщины и дети. (Стродс Х. П. Депортация населения Прибалтийских стран в 1949 году.// Вопросы истории. 1999 г. № 9. С. 133.).

Новый контингент из Прибалтики, после издания указа от 21 февраля 1948 г., был распределен так: в Красноярский край – 3 671 семья (13 823 человека), в Новосибирскую область – 3 152 семьи (10 064 человека), в Томскую область – 5 360 семей (16 065 человек), в Омскую область – 7 944 семьи (22 542 человека). (Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...» С. 231).

Депортированные были отправлены в Томскую область железнодорожными составами в конце марта 1949 г. В пути следования умерло, по данным врачей, сопровождавшим эшелон, 38 человек, «по преимуществу старые люди». (ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 47. с. 332).

За период с 7 по 20 апреля в область прибыло 14 эшелонов со спецпереселенцами в количестве 15 430 человек. (ГАТО.Ф.Р.-829.Оп.4.Д.37.Л.74-79)

Таблица №6

Количество прибывших в Томскую область из республик Прибалтики за период с 7 по 12 апреля 1949 г.

№№ п/п	Номер эшелона	Место формирования	Всего чел.	Время в пути
1	97330	Латвия	1108	27.03 – 07.04
2	97331	Латвия	1476	27.03 – 08.04
3	97332	Латвия	1318	27.03 – 09.04
4	97328	Латвия	1156	27.03 – 09.04
5	97335	Латвия	965	27.03 – 10.04
6	97333	Латвия	722	27.03 – 09.04
7	97329	Латвия	1150	27.03 – 10.04
8	97334	Латвия	1380	27.03 – 07.04
9	97326	Латвия	1300	27.03 – 07.04
10	97327	Латвия	1418	27.03 – 09.04
11	97332	Латвия	1313	27.03 – 09.04
12	97324	Латвия	1158	27.03 – 20.04
13	50705	Брандербург	62	11.03 – 12.04
14	97428	Львовская обл.	904	31.03 – 16.04
			15430	

Подавляющее большинство прибыло из Латвийской ССР, в отличие от литовцев, которые в большинстве своем оказались в области в 1941 году.. Новый «спецконтингент» расселили по северным районам области.

В итоге, на 1 января 1950 г. на учете спецпоселения в Томской области состояло 15048 латышей, 2402 литовца. (ЦДНИ ТО. Ф.607. Оп.1. Д.948. Л.62.), 29 эстонцев (Земсков В.Н. Принудительные миграции... с. 7.)

На 1 января 1952 г. на учете спецпоселений состояли 139607 прибалтов, выселенных в 1945 – 1949 гг., из них 45304 человека, или 32.4 % попали на спецпоселение в 1945-1948 гг. и 94300 человек, или 67.7 % в 1949г. (Земсков В. Н. Черные дыры истории...С. 56).

Высылка «кулаков» из Литвы в 1951 г.

Принудительные миграции из прибалтийских республик продолжались и в 50-е годы. Постановлением Совета Министров СССР от 5 сентября 1951 г., а также постановлением Совета Министров Литовской ССР от 29 сентября 1951 г. выселялись навечно кулаки с

семьями из Литовской ССР «за враждебные действия против колхозов». (Земсков В. Н. Черные дыры истории...С. 58). Выселение 18 027 крестьян было произведено в 1951 и 1952 гг.(с. 328).

Всего в сентябре – октябре 1951 г. на основании данного постановления из Литовской ССР были высланы 4009 семей кулаков (16 150 чел.), а также дополнительно 1090 семей бандитов и бандпособников (4133 чел.). (Бугай Н. Ф. депортация народов СССР... С. 54).

Контингент «кулаки из Литвы» стал поступать в Томскую область осенью 1951 г. и был размещен в шести районах области в количестве 1595 семей (6070 чел.), в том числе 1957 мужчин, 2273 женщин, 1840 детей. (ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 110).

Из них в Асиновском районе оказалось 317 семей (1184 чел.), Каргасокском – 281 семья (1102 чел.), Тегульдетском – 214 семей (823 чел.), Верхне-Кетском – 264 семьи (990 чел.), Чаинском – 248 семей (975 чел.) и Парабельском – 271 семья (996 чел.). (ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1.)

Поступление на спецпоселение кулаков в Томскую область продолжалось в течение всего 1952 г. По данным Бугая, в 1952 г. из Литвы было выслано еще 322 семьи (1320 чел.).(Бугай Н. Ф. депортация народов... С. 54). На 1 января 1953 г. в Томской области находилось уже 1868 семей «литовских кулаков» (7271 чел.).(Архив УВД Томской обл. 4 спец. отдел. Ф. 20 Дислокация... за 1953 г).

Массовые депортации из Прибалтики, официально направленные на ликвидацию противников установлению советской власти, на деле затронули все население трех республик. Обращает на себя внимание тот факт, что было выселено огромное число женщин, детей, стариков. Мужчин, являвшихся главами семей, депортировано было из республик Прибалтики значительно меньше. Многие мужчины состояли в различных национальных воинских формированиях, часть погибла или находилась на нелегальном положении, значительная часть из них уже была арестована. Можно предположить, что выселение было мстью членам семьи и родственникам за сопротивление, которое их мужья оказали советскому режиму до и после войны. С другой стороны это была своеобразная зачистка территории. Вывозя родственников и членов семей, руководство СССР лишало повстанцев возможности продолжать партизанскую войну, так как они теряли источник получения продуктов питания, одежды и важной информации.

Принудительное переселение малочисленных народов Закавказья в 1944 – 1949 гг.

Зимой 1944г. из Грузии началось выселение турок – месхетинцев, курдов и хемшилов (хемшинов), которые проживали в Аджарии и Месхет – Джавахети. Основанием к депортации послужило постановление ГКО от 31 июля 1944г. № 6279сс и приказа НКВД СССР № 001176 от 20 сентября 1944г. (Иосиф Сталин – Лаврентию Берию...С. 152). Более 110 тыс. турок были выселены из районов Месхетии. Таким образом сталинское руководство проводило своеобразная «зачистку» пограничных с Турцией районов. Операция по выселению была проведена с 15 по 26 ноября 1944г. (Иосиф Сталин – Лаврентию Берию...С. 156). В послевоенные годы органы МВД Грузинской ССР выявили и направили на спецпоселение еще 894 человека из числа турок – месхетинцев, курдов и хемшилов. Это отсутствовавшие во время депортации в местах постоянного жительства, прибывших по демобилизации из Советской Армии, вернувшихся из тюрем и лагерей, а также репатриированных. (Иосиф Сталин – Лаврентию Берию...С. 249).

И хотя подавляющее большинство этих народов были депортированы в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР (всего в этих республиках оказались на спецпоселении 92 307 человек), (Иосиф Сталин – Лаврентию Берию...С. 157) часть турок – месхетинцев прибыла в Томскую область. Вопрос об их приеме и расселении обсуждался 14 июня на «суженном заседании» областного исполкома. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 40. Л. 52). Прибывшие в июле «выселенцы - турки» в количестве 4606 человек (1391 семья) были трудоустроены четырех районах области. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 37. Л. 130).

Таблица №9

Размещение турок – месхетинцев по районам Томской области.

Районы расселения	Количество семей	Количество человек
Верхне – Кетский	328	804
Васюганский	405	1 281
Парбигский	264	855
Бакчарский	394	1666
	1391	4606

По состоянию на 1 октября 1949 г. турки из Месхетии занимали третье место по численности среди депортированных, расселенных на территории Томской области. Их насчитывалось 4 597 человек (1414 семей), из которых 1655 мужчин, 1424 женщины и 1518 детей. (ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 242. Л. 329). На 1 января 1954 г. количество турок – месхетинцев, находившихся на спецучете в области уменьшилось и составило 4358 человека (1198семей).

Высылка «кулаков» из Измаильской области Украинской ССР в 1948г.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 3785 – 1538с от 6 октября 1948 г. была осуществлена насильственная высылка 1094 кулаков из Измаильской области Украинской ССР. Из них 250 семей, в составе которых было 342 мужчины, 405 женщин и 347 детей до 16 лет направлялись 21 октября в районы Томской области для трудоустройства в Тегульдетском леспромхозе Министерства лесной и бумажной промышленности СССР. (Иосиф Сталин – Лаврентию Бери...С. 186-187). В документах УМВД Томской области этот контингент депортированных обозначался как «кулаки - измаильцы». Всего их на спецпоселении в 1949 году числилось 1105 человек.

В директивах верховных органов власти, касающихся принудительных миграций, четко определялся национальный состав депортированных. Однако, наряду с основным потоком выселяемых были люди и других национальностей. Так, из общего числа спецконтингента - немцев в документах НКВД выделялась подкатегория "другие". В нее входили латыши, литовцы, эстонцы, подвергшиеся переселению вместе с немцами.

В число спецпереселенцев - литовцев, выселенных в 1945 - 48 гг. входили поляки, русские, немцы, латыши, украинцы. Они обозначались как "литовцы", так как были выселены из Литовской ССР.

Среди "иеговистов" (членов религиозной секты, выселенные в 1951 г. из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии) были поляки.

Таким образом, определенное число людей подверглось насильственной миграции, независимо от национальной принадлежности только потому, что в этот момент шел процесс депортации с территории, на которой они проживали. Многие из них являлись членами семей основной массы переселяемых, которые попали в списки подлежащих депортации по ошибке составителей и т.п.

Глава II.

Организация приема и расселения спецпоселенцев в Томской области.

Перед руководящими органами области встала нелегкая задача – в короткий срок обеспечить прием и размещение огромного числа людей. В Новосибирскую область шел поток эвакуированного населения из западных регионов страны, параллельно осуществлялся процесс насильственного переселения граждан СССР.

Руководство акцией по депортации возлагалось на НКВД СССР, который имел право привлекать к проведению переселения многие другие наркоматы. Наркомат торговли должен был обеспечить питание людей в пути следования эшелонов, на наркомат здравоохранения возлагалась задача медицинского обслуживания депортированных. Наркомат земледелия, наркомат советского хозяйства, наркомат заготовок отвечали за процедуру передачи зерна, скота, имущества переселяемыми и получение продовольствия и скота в местах их вселения.

Первоначально определенная роль в процессе депортации отводилась Переселенческому управлению при СНК СССР, созданному в 1939 г. для руководства переселением «избыточной» части колхозников в малообжитые регионы страны. В круг решаемых им вопросов с конца 1930-х годов вошли и проблемы насильственных миграций по этническому признаку. ("Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин". Сборник документов (1940-е годы). С. 19). Во время войны Переселенческое управление подверглось реорганизации, был образован отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения при Управлении эвакуации населения. В его компетенции также находился широкий круг вопросов, связанных с устройством спецпереселенцев в местах нового жительства. Позднее задачи отдела ограничиваются только работой по статистическому учету спецпереселенцев, а его функции переходят НКВД, руководящим органам регионов, в которые предполагалось вселить депортированных.

Большинство депортированных народов были отнесены к категории спецпереселенцев. Термин "спецпереселенцы" (спецпоселенцы) широко вошел в лексикон репрессивных органов с весны 1930 года и применялся в то время в отношении раскулаченных крестьян, высланных в отдаленные районы страны.

Режим спецпоселения для депортированных означал запрет на право выезда за пределы административного района расселения. Любые перемещения должны были совершаться только с разрешения коменданта поселка.

К категории спецпоселенцев были отнесены польские осадники и их семьи. "Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, высланных из западных областей УССР и БССР" от 29 декабря 1939 г. свидетельствовало о том, что осадники и их семьи размещаются в спецпоселках, каждый из которых был рассчитан на 100-500 семей. В административных районах территории расположения поселков создавались районные комендатуры НКВД, в каждом спецпоселке организовывались поселковые комендатуры, на сотрудников которых возлагалась ответственность за учет численности спецпоселенцев, предотвращения побегов, соблюдения установленного режима спецпоселения и трудового использования осадников. Расходы по содержанию районных и поселковых комендатур

несли сами спецпоселенцы. Из заработной платы последних ежемесячно отчислялось около 10 % на нужды комендатур. (И. Сталин-Л. Берия ... с. 23-24).

Начало массовых насильственных миграций в начале 1940-х гг. повлекло за собой создание в структуре НКВД особого отдела спецпоселений, занимающегося этническими депортациями, который был организован 28 августа 1941 г. по приказу наркома внутренних дел Л. Берия. Во главе отдела был поставлен майор государственной безопасности И. В. Иванов. В функции отдела спецпоселений входила разработка планов переселения людей на территориях республик, краев и областей, контроль за ходом подготовки к приему и размещению спецпереселенцев, систематическая проверка районов заселения, составление смет расходов на проведение операций по депортации. Для учета и наблюдения за трудовым устройством спецпереселенцев в районах вселения также создавались отделы спецпоселений. (Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960. Справочник. Составители: Кокурин А. И., Петров Н. В.-М., 1997. С. 348. С. 271.)

В качестве самостоятельного отдела отдел спецпоселений просуществовал до 14 декабря 1942 г., затем был упразднен, а его функции переданы в отдел трудовых и спецпоселений ГУЛага НКВД.

Новые этнические депортации 1940 гг. привели к расширению состава "спецконтингента". в названии каждой категории которого в директивных документах того времени присутствовали пояснения: спецпоселенцы-немцы, -калмыки, -литовцы и т. п.

1940-е гг. характеризуются постоянным ужесточением режима спецпоселения. 22 декабря 1943 г. НКВД СССР был издан приказ № 001766 "Об организации комендатур спецпоселений УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Омской и Новосибирской областей". (Бруль В. И. Указ. соч. с. 109). Согласно приказу, для более полного учета и контроля за трудовым устройством спецпоселенцев отделы трудовых и спецпоселений вышеперечисленных территорий реорганизовывались в комендатуры спецпоселений. Штат спецкомендатур расширялся, 30 ставок были выделены для Новосибирской области. В сентябре 1944 г. было организовано Томское областное управление НКВД. Начальником Управления НКВД по Томской области был назначен полковник государственной безопасности Корнильев С. И., но в декабре 1946 г. был снят с занимаемой должности. С этого времени по январь 1952 г. УНКВД возглавлял полковник государственной безопасности Бровченко А. Н. (Ларьков Н. С., Чернова И. В. Полицмейстеры, комиссары, начальники. (руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX веках). Томск: изд-во Том. гос. ун-та. 1999.–184 с. с. 149–150.) Одновременно с организацией УНКВД по Томской области был создан и местный отдел

спецпоселений, в ведении которого вошел 21 район области, из них большинство относилось к северным - 13 районов Нарыма.

В силу удаленности населенных пунктов в районах друг от друга поселки, находившиеся под административным надзором спецкомендатур, отстояли от райцентров на 50-400 км. Эта географическая особенность области не позволяла обеспечивать "полный" контроль за спецпоселенцами со стороны комендантов и оперативных работников, которые из-за недостатка необходимых средств передвижения вынуждены были обходить пешком находящиеся под их наблюдением спецпоселки. К тому же, долгое время УНКВД Томской области не имел нужного количества оперативного состава С сентября по декабрь 1944 г. в аппарате ОСП числилось всего четыре сотрудника, хотя по штату полагалось 44 человека, в районах области вместо необходимых по штату 219 работников имелось только 127. К апрелю 1945 г. штатный состав был пополнен, но не укомплектован полностью. К этому времени в аппарат Томского отдела спецпоселений насчитывалось 40 сотрудников, в районных отделах – 191.

Ужесточение правового режима испытали на себе и спецпоселенцы-"бывшие кулаки". В 1941-1942 гг. был проведен их генеральный переучет, расширена агентурно-осведомительная сеть в местах их проживания, мера наказания за нарушение режима поселения ужесточилась вплоть до расстрела. Но, тем не менее, проверка "политических настроений" этой категории спецконтингента, показавшая, что большинство из раскулаченных крестьян не собираются переходить на сторону фашистских войск во время боевых действий, а также сложная обстановка на фронтах, привела к тому, что с середины 1942 г. началась мобилизация в действующую армию молодежи из числа спецпереселенцев-"бывших кулаков". (Красильников С. А. Трудпоселенцы и война. // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. №1. С. 78-84. С. 79).

Согласно постановлению СНК СССР от 8 января 1945 г. "О правовом положении спецпоселенцев" последние формально сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покидать определенные для них руководством страны место жительства. Самовольный выезд за пределы расселения рассматривался как побег и влек за собой ...(см. из набранного Митей). Вставить после слов: ...обо всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т. д.) следующее

Ежемесячно, в установленный день каждый спецпоселенец обязан был явиться в комендатуру для прохождения регистрации. Неявка в определенное время для отметки в листе регистрации рассматривалась как нарушение режимаспецпоселения и наказывалась в административном порядке (на нарушителя возлагался денежный штраф).

Для дополнительного контроля из числа спецпоселенцев районным комендантом назначались "старшие десятидворок", которые под расписку давали обязательства наблюдать за девятью закрепленными за ними спецпереселенцами и обо всех фактах нарушения режима поселения доносить коменданту. За невыполнение данных обязательств "старшие десятидворок" несли уголовную ответственность. (Архив УВД Томской области. Личное дело № 607. Архив № 7645. Л. 13).

Указ Президиума Верховного совета СССР от 29 ноября 1948 года "Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдельные районы Советского Союза в период Отечественной войны" означал, что депортированные народы определены в места спецпоселения навечно, без права возврата

Несколько иным был и правовой статус людей, насильственно высланных из республик Прибалтики, которые долгое время относились к категории ссыльнопоселенцев и ссыльных, т.е. с поражением в гражданских правах.

Все прибывшие из Литвы, Латвии и Эстонии были разделены по времени депортации: выселенные на определенный срок (в 1941 г.); выселенные без указания срока (в 1945 – 1948 г.г.); выселенные навечно (1949 – 1952 г.г.).

Мера наказания за побег с мест поселений для них также была разной. На прибалтов, прибывших до 1949 г., распространялось действие статьи 82 УК РСФСР, наказанием за побег были 5 лет лагерей. В отношении депортированных в 1949 – 52 г.г. действовал упомянутый выше Указ от 26 ноября 1948 г.

Различными были и названия «контингента из Прибалтики» в документах НКВД, где они определялись как «выселенные из Прибалтики в 1941 г.», «из Литвы в 1945-48 г.г.», «из Прибалтики в 1949 г.» и «Кулаки из Литвы в 1951 г.».

В 1952 г. выселенные за период с 1945 по 1949 г.г. были объединены в один контингент - «Из Прибалтики в 1945 – 1949 г.г.». В том же 1952 году латыши, литовцы, эстонцы были переведены на положение спецпоселенцев.

Операции по насильственному переселению тщательно разрабатывалась НКВД. По каждой акции по депортации принимались соответствующие инструкции: во-первых, о порядке выселения с мест постоянного проживания; во-вторых, о порядке приема и расселения спецпереселенцев в местах нового жительства.

Второй вид инструкций направлялись органами НКВД для «неукоснительного исполнения» властным структурам регионов, определенных для вселения депортированных. Переписка партийных и государственных органов, в которой содержалась информация о насильственном переселении, была строго засекречена на всех уровнях власти. Все

важнейшие решения принимались через высшие партийные органы – ЦК ВКП(б) – КПСС, и на местном уровне главная роль в осуществлении этих решений принадлежала обкому ВКП(б). Государственные органы власти (коим являлся областной исполком) в большинстве случаев лишь исполняли указания партии. Решения по депортации пересылались от вышестоящего руководства к нижестоящему в виде строго секретных документов. После получения таких документов Новосибирский обком ВКП(б) и областной исполком уже от своего имени давали соответствующие распоряжения районным партийным и государственным органам управления. Для последних руководство областного уровня являлось главной инстанцией, к которой обращались по всем вопросам приема, расселения, трудового и бытового устройства спецпереселенцев.

Ответственность за подготовку к приему эшелонов в пунктах разгрузки и их расселение была возложена на местные органы НКВД. В Новосибирской области за своевременную подготовку к приему эшелонов со спецпереселенцами в пунктах разгрузки и их расселение были ответственны майор госбезопасности Иванова и начальник УНКВД капитан госбезопасности Ковшука. (Депортации народов СССР. С. 72).

В области предполагаемого расселения ссыльных были разосланы оповещения или переданы телефонные указания с требованием срочно, в течение 48 часов, сообщить в центр названия станции разгрузки, районы поселения, потребные средства для перевозки и питания в пути. (с. 306.). Из мест предполагаемого расселения были получены ответы, которые показывали, что уже к концу мая подготовительная работа была завершена. 14 июня 1941 г.

По предложению заместителя наркома внутренних дел СССР В. Чернышова, 3 сентября 1941 года Совнарком издал распоряжение № 9547сс, в котором обязал Переселенческое управление при СНК передать все неиспользованные фонды по стройматериалам республикам, краям и областям и направить их на ремонт и строительство жилья для переселенцев – немцев. На эти же цели должны были использоваться и имеющиеся в областях ресурсы, предназначенные для переселения. (И. Сталин – Л. Берии...С. 48).

Основная работа по подготовке к приему переселенцев началась в Новосибирской области в сентябре 1941 года. Все главные вопросы, касающиеся размещения депортированных на территории области решались на так называемых суженных заседаниях областного комитета ВКП(б) и областного исполкома, в которых принимали участие и руководители предприятий и организаций, где планировалось трудоустройство переселенцев. Кроме того, принимались и совместные постановления бюро обкома и облисполкома. В постановлениях определялись районы расселения с указанием количества

вселяемых, порядок перевозки и вид транспорта, финансирование всех мероприятий по размещению и хозяйственному устройству депортированных. Областные отделения Заготзерна, Заготскота, Госбанка должны были предоставить обкому ВКП(б) в десятидневный срок план практических мероприятий обеспечения прибывающих продовольственно – фуражным зерном и скотом, кредитами на строительство домов, хозяйственное устройство. О ходе решения всех намеченных задач требовалось докладывать в УНКВД по Новосибирской области каждые пять дней.

Подготовительной работе к приему переселенцев уделялось самое пристальное внимание и на районном уровне, где местные власти наделялись определенными полномочиями для организации приема и расселения депортированных. В каждом районе создавались так называемые “оперативные тройки” в составе: председателя районного исполкома, одного из секретарей районного комитета ВКП(б) и начальника районного отдела НКВД.

Районные «тройки» обязывались обеспечить максимально быстрое продвижение спецпереселенцев до места расселения. К моменту прибытия на станцию назначения эшелоны должны были встречать члены районной тройки, уполномоченные УНКВД и областного исполкома. Такие станции, или пункты передержки, как их называли в закрытых документах того времени, служили перевалочным пунктом, где временно размещали спецпереселенцев. Здесь необходимо было организовать горячее питание для них, провести медосмотр прибывших. На подобных пунктах депортированные должны были находиться максимум несколько дней, после чего их отправляли в районы. Исключение делалось лишь для труднодоступных районов, куда отправка переселенцев была возможна только в определенное время года. Это были, в основном, северные районы Томской области.

С момента прибытия эшелонов необходимо было предоставлять в органы госбезопасности ежедневные сводки о количестве прибывших, с указанием их половозрастных характеристик, физического состояния. Такая проверка проводилась персонально, в соответствии со списком, представленным начальником эшелона. Помимо списков, составлялись семейные карточки, которые отправлялись в отдел спецпоселений УНКВД. В сводках указывалась и численность отправленных к местам расселения и количество уже устроенных в населенных пунктах. О каждом случае эпидемии, смерти в пути или на пунктах «разгрузки» эшелонов необходимо было давать внеочередной отчет, а также сообщать обо всех случаях побегов и предоставлять УНКВД полную информацию о принятых мерах к розыску беглецов.

На районные тройки возлагалась и перевозка депортированных к населенным

пунктам. К месту расселения спецпереселенцев сопровождали председатели колхозов или представители совхозов, промышленных артелей, МТС и два – три человека из состава районного партийного актива.

На начало 1950 г. спецпоселенцы были расселены в 59, 5 % колхозов Томской области. в четырех районах (Александровский, Васюганский, Зырянский, Тегульдетский) более 90 % колхозов разместили на своей территории Различные категории спецконтингента.

Таблица №10

**Количество колхозов Томской области, в которых были расселены
спецпереселенцы. (по состоянию на 17 января 1950 г.)
(ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 948. Л. 70–71)**

Наименование районов области	Всего в районе колхозов	В том числе колхозов, в которых размещены спецпоселенцы
Александровский	22	22
Асиновский	59	44
Бакчарский	23	6
Васюганский	15	12
Верхне–Кетский	20	4
Зырянский	73	66
Каргасокский	43	25
Кожевниковский	73	44
Колпашевский	65	29
Кривошеинский	60	36
Молчановский	40	25
Парабельский	40	28
Парбигский	22	15
Пудинский	12	6
Пышкино–Троицкий	46	31
Тегульдетский	23	21
Томский	99	42
Туганский	119	94
Чаинский	42	14
Шегарский	77	27
	973	359

Среди местного населения проводилась так называемая разъяснительная работа. В населенные пункты направлялись секретари райкомов, председатели райисполкомов, то есть

партийный и советский актив, который должен был на общих собраниях колхозников, в индивидуальных беседах разъяснить, кого вселяют в колхозы, как нужно относиться к прибывшим и т. п.

Причем, выявленный среди депортированных партийный и советский актив районным тройкам предписывалось задержать в райцентрах до получения дополнительных указаний о порядке расселения, обеспечив им нормальные жилищно – бытовые условия. Делая такие исключения, органы НКВД стремились использовать бывшее партийное руководство из состава переселенцев во - первых, для достижения более полного контроля за процессом вселения (неоднократно именно с ними проводились беседы о настроениях среди прибывающих, об отношении их к депортации и т. п.). Во- вторых, значительную роль сыграл и сам факт принадлежности к партии ,что всегда предполагало определенную исключительность, обособленность от остальной массы населения.

Строгое соблюдение инструкций обеспечивалось и контролем членов районной тройки за действиями своих уполномоченных и лиц, привлеченных к работе по приему спецпереселенцев.(ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 328. Л. 1).

Для расселения прибывающих в населенных пунктах отбирались пустующие дома, общественные здания (школы, клубы), часто вселялись депортированных в дома местных жителей. Областное руководство получало из районов сведения о количестве материалов, необходимых для постройки жилья для спецпереселенцев, о суммах затрат на его ремонт или строительство. Ремонт выделенных домов производился силами колхозов, совхозов, МТС, они же обеспечивали необходимый запас топлива. Постоянного ощущался недостаток свободного жилищного фонда, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты местных властей. К примеру, докладная записка председателя Кожевниковского райисполкома, посланная 21 ноября 1941года в адрес Новосибирского областного исполкома, содержала расчет по строительству новых домов для немцев – спецпереселенцев. Планировалось построить к первому мая 1942 года 228 домов, причем все они должны были возводиться силами самих переселенцев. Для строительства требовалось заготовить 13 908 кубометров леса, предоставить немцам строительные материалы (кирпич, гвозди, стекло оконное, известь). (ГАНУ. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 139. Л. 52). Следующий отчет руководства Кожевниковского района о хозяйственном устройстве немцев – переселенцев от 27 июля 1942 года свидетельствует о том, что в район не поступило необходимого количества стройматериала. В итоге, к тому времени из 299 прибывших в район немецких семей, 73 не были обеспечены жильем. (ГАНУ. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 157. Л. 116.). Нередко решение жилищного вопроса шло за счет перемещения ранее высланных людей, практиковалось их

«уплотнение». Например, при депортации в 1943 году калмыцкого населения, в районах Новосибирской области прибывших двумя годами ранее немцев переселяли к другим немецким семьям, освобождая, таким образом, жилье для калмыков.

После расселения депортированных, уполномоченные районной тройки и председатель сельского совета проверяли все дома, где размещались спецпереселенцы и составляли еще один акт, в котором указывалось куда вселены люди, насколько обеспечены они питанием, топливом и т. п. Все акты направлялись в УНКВД по Новосибирской области. (ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 328. Л. 2 - 5).

В целом, несмотря на многие проблемы, стоявшие в военное время перед руководством области, на всех уровнях власти была проведена определенная подготовительная работа для приема спецпереселенцев. Однако далеко не все запланированные мероприятия были выполнены ко времени прибытия эшелонов с депортированными.

2.2. Материально – бытовое устройство спецпоселенцев.

В нормативных актах по депортации учитывался, казалось бы, до деталей весь механизм ее проведения. Но, тем не менее, у местных органов власти возникало множество вопросов, связанных с материально – бытовым устройством спецпереселенцев. После первых рапортов о завершении расселения прибывших людей, последующая информация областному руководству все больше приобретала проблемный характер. Особенно это проявилось в начале 1940–х годов, когда в Сибирь в массовом порядке стали прибывать депортированные немцы. Многочисленные вопросы были порождены и стремлением районного руководства не принимать самостоятельных решений, полагаться на директивы вышестоящего начальства. По всем затруднениям местные руководители обращались за разъяснениями в областные органы власти. Местные совхозы и хозяйственные организации недостаточно занимались трудовым устройством спецпоселенцев, полагая, что это прерогатива органов НКВД (МВД).

Уже в октябре 1941 года в адрес областного исполкома начинают поступать запросы, содержание которых сводится к нескольким проблемам. Одной из них была задача размещения огромного числа эвакуированных и депортированных людей, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты районных властей.

Особенно часто просили дать разъяснения по вопросам обеспечения жильем спецпереселенцев, порядка выделения строительных материалов, (бесплатно или за определенную стоимость выдавать их прибывшим).

Как и осенью 1941 г., в 1942 г. по - прежнему остро стоял жилищный вопрос. Не все спецпереселенцы сразу смогли получить жилье. Свободных домов для заселения не хватало, поэтому семьи расселялись и в бараках, и в землянках, и подсеялись в дома местных жителей, в порядке уплотнения без согласия на то хозяев квартир.

Но главная проблема, стоявшая перед районными органами власти - это порядок обеспечения прибывающих хлебом и зерном, другими продуктами питания.

Скот и сельскохозяйственные продукты сдавались заготовительным органам, которые, в свою очередь, перечисляли суммы стоимости сданного в союзный бюджет, а затем могли быть выплачены депортированным по прибытии на спецпоселение.

В 1939 - первой половине 1941 годов подобная компенсация даже не предусматривалась. «Осадники» и их семьи были расселены в наскоро сколоченных бараках, которые не были подготовлены к проживанию людей. Отсутствовали печи, не хватало столов, табуретов и других предметов домашнего обихода. Из-за большой скученности в бараках некоторые спецпоселенцы жили под открытым небом, соорудив импровизированные шалаши. Не во всех поселках имелась система водоснабжения, нерегулярно доставлялись продукты питания. Неудовлетворительные бытовые и санитарные условия в поселках приводили к вспышкам желудочно-кишечных заболеваний. Но на большинстве участков не были организованы пункты медицинской помощи, имеющийся медицинский персонал не обладал должной квалификацией, чаще всего поселки спецпоселенцев обслуживали фельдшеры.

Только после неоднократных проверок материального и санитарного состояния мест проживания «осадников» и указаний новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома, данные администрации районов, где были расселены спецпоселенцы, обеспечение продовольствием и промышленными товарами, медицинское обслуживание последних незначительно улучшилось.

Согласно инструкции «Инструкции о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников» от 30 августа 1941 года, 8 октября 1941 года новосибирский обкомом ВКП(б) определен порядок расчета с переселенцами. Устанавливались нормы выдачи зерна в размере не более трех центнеров на одного человека. Расчет производился после предъявления квитанций на сданный зернофураж пунктам “Заготзерно” на месте вселения. Колхозники-немцы, не имеющие таких квитанций, должны были получать

зернофураж на общих основаниях по числу выработанных трудодней на месте выселения. Определялась и сумма кредита на индивидуальное жилищное строительство в размере 3500 рублей на семью со сроком выплаты до 5 лет из 3% годовых. Также должны были выдавать и скот, в соответствии с данными квитанций.(ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 434. Л. 3 - 4).

Однако, в большинстве случаев имущество, оставленное немцами на местах выселения, так и не было возмещено. Во многих колхозах запасов хлеба, зерна было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить в полной мере потребности переселенцев. В условиях войны изыскать свободные материальные ресурсы местное руководство могло с трудом. На местах своего прежнего проживания многие не успевали оформить сдачу хлеба обменными квитанциями и не могли получить зерно на месте вселения. Не оплачивались им и заработанные за первую половину 1941 года трудодни. Во многих случаях произвести расчеты с переселенцами было невозможно из-за отсутствия документов о количестве выработанных трудодней отдельными хозяйствами. Особенно в затруднительном положении оказались те из немцев, кто на прежнем месте жительства не работал непосредственно в сельском хозяйстве: это рабочие и служащие городов, совхозов, МТС, составлявшие около 15 % от общего числа немецкого населения. В сибирских колхозах им зачастую не выдавали даже продовольствие, ссылались на то, что нет указаний о порядке расчетов с такими переселенцами.

Оставался сложным и вопрос о компенсации немцам имущества и скота, оставленного в местах прежнего жительства. Первоначально, по «Инструкции о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников», на все сданное имущество составлялся акт с указанием его стоимости. По этому акту в местах вселения указанная сумма должна была возмещаться с доплатой Сельхозбанком разницы в стоимости между сданным и получаемым имуществом. (Депортация народов СССР...С. 101).

Распоряжение СНК СССР № 8332-р от 9 мая 1942 года лишило немцев возможности получить разницу в стоимости между сданным имуществом и полученным в местах нового жительства. (Депортации народов СССР...С. 104). Кредиты на строительство, покупку и ремонт домов предоставлялись спецпоселенцам лишь в том случае, если они не обеспечивались сразу какими – либо жилыми помещениями или не получали при вселении материалов для их строительства. (ГАНУ. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 206. Л. 100.).

Вопрос о выдаче зернофуража переселенцам был закрыт в 1943 году, когда решением наркома Заготовок СССР Субботина немцам отказывалось в выдаче зерна «за давностью сроков переселения». (Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. В двух частях. Часть вторая. С. 37-38).

Во всех районах Нарымского округа спецпоселенцы находились в тяжелейших условиях. В Александровском, Кривошеинском, Молчановском районах в 1943 – 1944 гг. наблюдалась схожая удручающая картина их жизни. Многие спецпоселенцы вынуждены были жить в холодных, сырых, темных землянках. В поселке Никольск Кривошеинского района в землянке площадью 16 кв. метров проживали четыре семьи, 17 человек, из которых 11 – дети. (ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 829. Л. 7.) Часть людей ютились где придется: под лодками, на паузках, в банях. Большинство не было обеспечено теплой одеждой и обувью, и не могли работать вне помещения зимой, поэтому рыболовецкие организации не принимали их на работу. Такие спецпоселенцы могли выполнять работу только дома, получая из продуктов лишь 200 граммов хлеба. Не имея одежды, дети не могли посещать школу.

Выдача заработной платы задерживалась на два – три месяца. Случаи заболеваемости и смертности от истощения не были редкостью. В Кривошеинском районе только за два месяца – январь и февраль умерло от голода 20 человек из числа спецпоселенцев. (ЦДНИ ТО Ф. 206. Оп. 1 . Д. 841. Л. 6.)

С 1944 г. начались массовые увольнения спецпоселенцев с предприятий рыбной промышленности Нарымского округа. Причиной тому послужило уменьшение плана рыбодобычи на 1944 г. и сокращение лимита труда по Новосибирскому госрыбтресту. В феврале – марте того же года руководство рыбозаводов произвело массовые сокращения рабочих, главным образом за счет спецпоселенцев – немцев и, в первую очередь, многодетных, инвалидов и тех, кто не имел теплой одежды и обуви для работы в зимних условиях. на 14 апреля 1944 г. в Каргасокском районе был уволен 341 человек, в Парабельском – 488, в Колпашевском – 920 человек. (ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1 Д. 841. Л. 15.) Уволенные рабочие и их семьи были сняты со снабжения. Вопрос об их дальнейшем трудоустройстве решался длительное время. Колхозы округа от приема работников отказывались, поскольку сами испытывали продовольственные затруднения и не смогли бы обеспечить хлебом новых членов колхоза. Часть уволенных рабочих (400 семей) были направлены в Г. Новосибирск для работы в промышленности. (ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 841. Л. 25.). Но это не решало всей проблемы. Сотни людей - инвалиды, многодетные женщины, дети оставались в Нарымском округе без средств к существованию.

В бедственном положении оказались и калмыки, одной из причин которого являлось, во многом и то, что при выселении на сборы в ряде мест отводилось всего один-два часа, не разрешалось брать с собой одежду, обувь, домашние принадлежности. Люди, из поколения в поколение занимающиеся скотоводством, не имея иных навыков, вынуждены были

приспосабливаться к малознакомой работе в сельском хозяйстве области, ориентированной, по преимуществу на земледелие.

Особенно большие трудности испытывали депортированные калмыки, расселенные в колхозах, так как к моменту их вселения все продовольственные фонды колхозов были распределены по трудодням, а других ресурсов для оказания им помощи у колхозов не было.

По постановлению СНК СССР от 29 мая 1944 г. спецпереселенцам-карачаевцам, ингушам, балкарцам и калмыкам выделялось определенное количество скота и продовольственного зерна в обмен за принятые от них скот и зерно в местах выселения. Наркомат мясомолочной промышленности СССР обязан был передать Новосибирскому областному исполкому в третьем и четвертом кварталах 1944 года 4244 головы крупнорогатого скота, или 848 тонн живого веса для распределения среди калмыков. Допускалась и выдача спецпоселенцам вместо крупного рогатого скота овец или коз. Наркомат заготовок СССР должен был отпустить за этот же период облисполкому 419 тонн зерна (ржи и ячменя).

Скот и зерно подлежали распределению среди калмыков бесплатно - каждой семье по одной голове крупного рогатого скота. (Депортация карачаевцев... с. 151-152). Промышленные товары калмыки должны были выкупать у государства.

В местах расселения, полуголодное существование калмыков привело к тому, что многие из них полученный скот сразу забивали и продавали, что бы выручить хоть какую-то сумму денег для проживания. В некоторых поселках, из-за отсутствия кормов, начался падеж скота.

Продовольственные фонды, выделенные для калмыков, как правило, распределялись в сроки. Сложнее было с выделением промышленных товаров. Местные торговые организации, стремясь выполнить план товарооборота, продавали калмыкам более дорогие виды тканей и других товаров, в то время, как сумма выделенных промтоварных фондов высчитывалась, исходя из стоимости более дешевых видов обуви, одежды, тканей. У многих калмыков не было денег, что бы выкупить предназначенные для них одежду и обувь, которые продавались им не по государственным ценам, а по более высоким среднерыночным ценам для сельской местности.

Спецпоселенцы были лишены и дополнительной возможности пополнить запас продуктов питания, охотясь в сибирских лесах, т.к. по Правилам хозяйственного и трудового устройства спецпоселенцев-калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев, в течении первых двух лет со дня расселения им запрещалось заниматься индивидуальной

охотой. (Правила эти были утверждены ГУЛагом НКВД СССР 8 марта 1944 г.//Депортация карачаевцев... с. 146).

В совершенно ужасающих условиях находились калмыки, трудоустроенные в Тимирязевском мехлеспункте треста "Томлес". Здесь, по состоянию на 15 мая 1944 г. было расселено 378 семей калмыков (895 чел.). Из них трудоспособных насчитывалось 279 человек, но занято было на различных работах лишь 197 человек, для оставшихся 82-х рабочих мест просто не имелось. Из прибывших было много пожилых людей и престарелых (193 чел.), детей, не достигших совершеннолетия (33 чел.). (ЦДНИ ТО.Ф.Р-607.0.1.Д.99.Л.2-19).

Комиссией, состоящей из представителей Новосибирского обкома ВКП(б), облисполкома, УНКВД, заместителя управляющего трестом "Томлес", главного врача областной санитарии взрослых были установлены вопиющие нарушения со стороны руководства мехлеспункта.

Несмотря на то, что начальник Тимирязевского мехлеспункта Персидский за три недели был поставлен в известность о прибытии более 1000 спецпоселенцев, администрацией мехлеспункта не было предпринято никаких мер по организации приема калмыков.

В результате проверки, начальник мехлеспункта Персидский был уволен. НКВД СССР дал распоряжение начальнику УНКВД по Новосибирской области передать всех спецпереселенцев-калмыков, трудоустроенных на Тимирязевском мехлеспункте в другие организации (Ссылка калмыков. Как это было Т.1. Кн.1. с. 121.)

Спецпоселенцы размещались на пяти производственных участках, в бараках, где на каждого человека приходилось меньше одного квадратного метра жилой площади, несмотря на то, что мехлеспункте имелось пустующее жилье. Состояние барачных помещений ветхое, во многих отсутствовали оконные стекла, не проведено электричество. В помещениях, за исключением нар, практически никакой мебели не было.

Руководство мехлеспункта безосновательно лишало заболевших спецпоселенцев-калмыков продовольственных карточек и права пользоваться столовой. На производственных участках не было врачей, поэтому документы подтверждающие, что человек действительно болен некому было давать. Начальники мехлес-участков и мастера, ссылаясь на отсутствие медицинских справок, лишали спецпоселенцев талонов и карточек на получение продуктов питания. Помощь калмыкам практически не оказывалась. В больнице центрального городка мехлеспункта работал только малоопытный фельдшер. Поэтому среди калмыцкого населения был высок процент заболеваемости. Распространению инфекций

способствовало и то, что больные туберкулезом, трахомой, экземой и другими тяжелыми инфекционными заболеваниями продолжали жить в бараках вместе со здоровыми людьми. С момента прибытия спецпоселенцев (с 17 января 1944 г.) по неуточненным данным умерло на мехлеспункте 89 человека, а только за четыре дня с 12 по 16 мая 1944 г. - 4 калмыка (ЦДНИ ТО.Ф.Р-607.Оп.1.Д.99.Л.5). В действительности, умерших было больше, данные о смерти среди калмыков не фиксировались в документах мехлеспункта, регистрация умерших велась не регулярно.

По нормам для работающих в месяц на одного человека полагалось 400 гр. Жиров, 1800 гр. Мяса, 1200 гр. крупы. Но эти продукты спецпоселенцы не получали. В день проверки в столовых на завтрак, обед и ужин выдавали суп, который состоял из 30 гр. овсяной крупы и воды. Иногда в рацион добавлялось 100 гр. рыбы.

Особенно в тяжелом положении оказались дети, инвалиды и люди пожилого возраста. Им выделялось только 300 гр. хлеба, поэтому работающие члены семьи вынуждены были делить с ними свой и так бедный поёк. Многие люди были истощены.

После осмотра спецпоселенцев медицинскими работниками на мехлеспункте было выявлено 82 человека истощенных. (ЦДНИ ТО.Ф.Р-607.Оп.1.,Д.99.Л.113.)

Спецпоселенцам не выделялись землянные участки и семена для посадки овощей. В итоге люди остались без подсобного хозяйства как дополнительного источника пополнения продуктов.

Заработная плата калмыкам выплачивалась несвоевременно. За три месяца (с января по март 1944 г.) задолженность по заработной плате составила 3783 руб. 37 коп. Имелись факты злоупотреблений со стороны администрации мехпункта (ЦДНИ ТО.Ф.Р-607.Оп.1.Д.99.Л.7).

Согласно постановлению СНК СССР № 627-176сс от 29 мая 1944 года, расчеты за принятые на прежнем месте жительства зерно и скот должны были производиться в денежном выражении по действующим на это время заготовительным ценам.

Существовала своеобразная система возврата спецпереселенцам скота и зерна уже по прибытии на места поселений. В обмен на принятое от калмыков зерно, скот, в Новосибирской области выдавалось им определенное количество продовольствия, скота, в обмен на сданное кожаное сырье эта категория спецпереселенцев обеспечивалась одеждой и обувью. Причем определенное количество скота должно было выдаваться бесплатно.

По прибытии в Новосибирскую область калмыки долгое время вынуждены были жить за счет привезенных с собой запасов продуктов. Полагавшегося продовольствия они не получали до 15 апреля 1944 года. До этого времени местные власти ждали разъяснений от

руководства области о самой процедуре выдачи: за наличный расчет или бесплатно, по обменным квитанциям на сданную сельскохозяйственную продукцию по месту прежнего жительства или не требовать подобных квитанций.

Зачастую колхозы просто не имели необходимых запасов продовольствия для выделения их спецпереселенцам. Сложная ситуация в расчетах с прибывшими приводила к тому, что многие из них голодали, обменивали на продукты питания у местных жителей то скудное имущество, которое привезли с собой..

По этой причине до 6 июля 1944 года не выдавался картофель калмыкам. (Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. С. 166). Затягивалась и постройка жилья для этой категории спецпереселенцев. Они были расселены в не отремонтированных и не приспособленных для жизни в зимнее время помещениях. Стены и двери жилищ не были утеплены, окна не застеклены, печи не отремонтированы, необходимого минимума мебели не было. Промедление в строительстве объяснялось тем, что значительная часть калмыков (5 тысяч человек из 18 334 прибывших) с открытием навигации будет переселена в северные рыбопромысловые районы области. Поэтому местные органы власти не посчитали нужным начать строительство домов для тех, кто размещен в районах временно. (Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. С. 166-167.).

Учитывая сложившуюся ситуацию с обеспечением калмыков продовольствием, 19 ноября 1944 года СНК СССР издал распоряжение № 21593-рс, согласно которому в регионы, куда были насильственно переселены калмыки, выделялось определенное количество товаров. Из них в Томскую область перечислялось: мыла хозяйственного – 0,9 тонн, чая плиточного – 0,4 тонн, соли – 2,1 тонн, шерсти для изготовления вяленой обуви – 1,1 тонн и хлопчатобумажных тканей – 2 тысячи метров. Это количество товаров в ноябре – декабре 1944 года продавалось калмыкам, исходя из расчета: 200 грамм мыла, 100 грамм чая, 500 грамм соли на каждого человека в месяц. Вяленая обувь и хлопчатобумажные ткани продавались также за наличный расчет, но в первую очередь наиболее нуждающимся спецпереселенцам. (Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. С. 173-174.).

Спустя год последовала еще одна директива – распоряжение СНК СССР от 21 ноября 1945 г., в соответствии с которым 21 декабря того же года Томский облисполком обязал Облторготдел, Облпотребсоюз, облзаготживсырье распределить для продажи спецпереселенцам–калмыкам ежемесячно продовольственные и промышленные товары по следующим предприятиям и организациям. См. Приложение. Таблица №11.

Срок продажи продуктов питания был установлен с 1 декабря 1945 г. по 1 июля 1946 г., промышленных товаров – до 1 января 1946 г. (ГАТО. Ф. Р–829. Оп. 4. Д. 9. Л. 119.)

2 июня 1945 г. состоялось заседание облисполкома, которое на основании постановления СНК СССР № 5850 от 8 апреля 1945 г., было принято решение распределить выделенный правительством для спецпоселенцев–калмыков скот по следующим районам области:

Таблица №12

(ГАТО. Ф. Р–829. Оп. 4. Д. 9. Л. 69.)

№№ п/п	Районы области	Количество голов крупного рогатого скота
1	Томский	305
2	Кожевниковский	15
3	Туганский	12
4	Асиновский	10
5	Зырянский	8
6	Шегарский	5
7	Пышкино–Троицкий	5
		360

Райисполкомы вышеперечисленных районов должны были составить списки особо нуждающихся семей калмыков для выдачи им скота. Но многие семьи не смогли содержать выделенный скот и зимой 1945–1946 гг. забивали его для того, чтобы прокормить семью на вырученные с продажи мяса деньги.

В некоторой степени постановление СНК СССР № 1927 от 28 июля 1945 года должно было облегчить бедственное положение, в котором оказались депортированные. Этим нормативным актом спецпоселенцы, прибывшие с территории Северного Кавказа, Крыма, Грузинской ССР, а также калмыки освобождались на 1945 – 1946 года от обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов, от уплаты сельскохозяйственного налога и подоходного налога по доходам от сельского хозяйства в городских поселках. Кроме того, с них списывались по первому и второму виду налогов задолженности, уже образовавшиеся на новых местах поселений. (Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. С.190.).

Во всех районах области в тяжелом материальном положении оказались спецпоселенцы, прибывшие из республик Прибалтики. После массовых депортаций 1949г. Совет Министров СССР 10 июня 1949 г. издал распоряжение № 8317 рс, согласно которому

выселенные из Латвийской ССР и Литовской ССР должны были получить ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере до 5 тысяч рублей сроком на семь лет и на ремонт домов в размере до 1 тысячи рублей сроком на три года с погашением ссуды, начиная со второго года после ее получения. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4 д. 40. Л. 60.)

Так же, как и в отношении других категорий спецпоселенцев, выселенным из Латвии и Литвы, а также туркам, в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 16 июля 1949 г. за № 10778, должны были выделяться кредиты на покупку скота в размере до 2 тысяч рублей на одну семью сроком на 5 лет. Томский облисполком обязал районное руководство до 25 августа распределить выделенные кредиты по колхозам, в которых проживали указанные в распоряжении категории спецпоселенцев. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 40. Л. 76.)

Таким образом, ежегодно правительством выделялись определенные суммы кредитов на хозяйственное устройство спецпоселенцев. Но по назначению использовалась лишь незначительная часть выделенных средств. В мае 1950 г. в Томской области из 2 млн. руб., предназначенных для кредитования поселенцев было израсходовано: на строительство и покупку домов-349 тыс. руб., приобретение скота-467 тыс. руб. В некоторых районах (Кожевниковский, Молчановский) кредиты не были предоставлены ни одному спецпоселенцу. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 54. Л. 41-42.). А ведь в этих районах проживало большое число депортированных.

Одной из причин промедления в выделении денежных средств были проволочки банковских структур. Областная контора Сельхозбанка несвоевременно кредитовала районные отделения, последние затягивали оформление нужных документов. Не последнюю роль в сыграла и позиция некоторых председателей колхозов, которые под разными предлогами также откладывали кредитование спецпоселенцев, расходовали денежные средства не по назначению. Так это было, например, в колхозе «Примерный путь» Тегульдетского района, где выделенные спецпоселенцам - латышам в 1949 г. ссуды на строительство и ремонт домов, в размере 3 тысяч рублей председатель колхоза использовал на другие колхозные нужды. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 54. Л. 9.)

В 1950 году в адрес начальника УМВД по Томской области и председателю областного исполкома были направлены докладные записки руководства районов, в которых проживали депортированные латыши. Содержание всех докладных записок очень схоже. Это просьбы районных властей оказать помощь в обеспечении латышей продовольствием, выдать ссуды продуктами питания колхозам, в которых они расселены.

Одной из причин плохого положения спецпереселенцев – размещение их в экономически слабых колхозах, которые были не в состоянии оказать им материальную помощь. Сами же спецпереселенцы, несмотря на то, что они трудились в сельском хозяйстве, не смогли получить на выработанные трудодни деньги и продукты питания по причине низкого валового дохода колхозов. К примеру, в колхозах Кривошеинского района в мае 1949 года было расселено 887 латышей. По состоянию на 20 февраля 1950 года на заработанные ими трудодни не было выдано продуктами питания 8 907 килограмм зерна, деньгами 15 990 рублей. В результате того, что заработную плату не выдавали, 133 семьи (405 человек) голодали.

Решение проблемы местные власти видели в одном, в выделении государством колхозам ссуд продовольствием (как правило, хлебом, мукой и картофелем) для последующей раздаче среди спецпоселенцев. Но не только подобные прошения шли областному руководству. Были и смелые предложения снять с латышей все задолженности по сельскохозяйственному налогу и поставкам продуктов государству. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 54. Л. 26.). Но в отношении представителей прибалтийских народов, находящихся на спецпоселении, центральные органы власти на такие меры не пошли.

Положение самих колхозников мало чем отличалось от положения спецпереселенцев. В отличие от городских жителей, до войны обладавших относительной свободой передвижения, крестьяне с 1932 г., после того как им перестали выдавать паспорта, лишились возможности легально покинуть место жительства. Среднемесячная заработная плата работающих в колхозах была самой низкой среди всех категорий занятых в народном хозяйстве. Ее доля составляла, к примеру, в 1940 г. и в 1950 г. 37 % и 25 % соответственно от заработка работающих в промышленной отрасли. Оплата труда в колхозах производилась по "остаточному принципу", когда только после выплаты обязательных поставок государству становилось ясно, какая сумма приходится на трудодни. В 1942 г. постановлением ? был увеличен обязательный минимум трудодней и определена судебная ответственность за его невыполнение в виде исправительно-трудовых работ с удержанием 25 % от заработной платы в пользу колхоза. Это решение правительства оставалось в силе и в послевоенные годы. (Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. По материалам ЦК ВКП(б). // Отечественная история. 1998 г. № 3. С. 29.) Освобождались от обязательных поставок государству только некоторые категории колхозников: престарелые люди, инвалиды войны и труда, а также хозяйства, в которых глава семьи находился в действующей армии, а в семье оставались жена с детьми младше семи лет. (там же. С. 79). В 1945 г. валовый сбор зерна, вследствие неурожая, был очень низким, и составил менее

половины от сбора урожая 1940 г. (Бадалян Т. М. Сельская семья в Сибири: первый год после войны. // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №2. С. 78)

Если в 1930-начале 1940-х годов главный акцент в этнических депортациях делался на сам процесс переселения массы людей и размещение их на новых местах проживания, то с середины 1940-х и особенно в 1950-е годы, руководство страны обозначило перед различными отраслями производства другую задачу – создание нормальных условий жизни для спецпоселенцев. Получение дополнительных рабочих рук из числа спецконтингента ставилось в прямую зависимость от решения этой задачи. Угроза потерять рабочих, не обеспечив им оптимальных условий существования, была реальна. Так, в августе 1944 г., по указанию заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова, трест «Томлес» вынужден был передать всех трудоустроенных на предприятиях треста калмыков в другие организации, поскольку не были созданы нормальные жилищно-бытовые условия для этой категории рабочих. (Ссылка калмыков. Как это было. Т. 1. Кн. 1 с. 160.). Таким образом, создавались условия, при которых руководство предприятий для сохранения имеющихся трудовых ресурсов, должны были изменить бедственное положение, в котором оказалось большинство спецпоселенцев. От этого напрямую зависело и повышение производительности труда, что было важно для предприятий, от которых постоянно требовалось выполнение очередного плана.

Со второй половины 1940-х годов особенно явной становится своеобразная попечительская функция органов МВД над спецконтингентом. Управление МВД по Томской области неоднократно информировало областной исполком о хозяйственно – бытовых проблемах поселенцев, настаивало на их решении и осуществляло контроль над выполнением своих указаний. Проверки условий жизни «выселенцев» часто проводились на предприятиях треста «Томлес». Итоги проверок были неутешительными, о чем свидетельствует сообщение УМВД по Томской области от 27 апреля 1950 года, составленное заместителем начальника УМВД по спецпоселению Сидоровым.

Иногда коменданты спецкомендатур и оперативный состав райотделений МВД по спецпоселению вместо своих прямых обязанностей стали выполнять роль уполномоченных от райкомов ВКП (б) и райисполкомов в населенных пунктах, находившихся за пределами поднадзорных им территорий. В таких населенных пунктах они отвечали за выполнение различных хозяйственных компаний. Видимо, руководство районов полагало, что под наблюдением сотрудников могущественного ведомства реализация многочисленных хозяйственных задач будет идти быстрее. Такое совмещение должностей не способствовало

решению главной задачи, возложенной на работников ОСП – осуществление повседневного надзора за спецпоселенцами и борьбе с побегами в местах их проживания.

В течение 1949 – 50 годов спецпоселенцев неоднократно переселяли с одного участка на другой, расположенных друг от друга на значительном расстоянии. Причиной таких передвижений было освобождение для сезонных рабочих жилых помещений, в которых ранее жили спецпереселенцы. На новых участках им выделялись худшее жилье. В 1950 году трудоустроенные в ЛПХ треста жили преимущественно в бараках, где на каждого человека приходилось в среднем 1,5 кв. метров жилой площади. Заработная плата не выплачивалась рабочим длительное время. Некоторые руководители ЛПХ треста, при всем стремлении получить дополнительные рабочие руки, совершенно не заботились о создании нормальных условий жизни для прибывших на предприятия. Известны и факты произвола со стороны местного начальства по отношению к спецпоселенцам: запрещалось выдавать медицинские справки об освобождении от работы по болезни, намеренно не предоставлялся транспорт для хозяйственных нужд и т. п. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 80–81.).

Подобная информация начальником УМВД или его заместителем по спецпоселению пересылалась в виде сообщений управляющему трестом «Томлес» (в 1950 г. во главе треста стоял А. Суханов). На первый взгляд, тон этих писем не был требовательным, категоричным, заканчивались сообщения просьбой улучшить материально-бытовое положение подведомственного контингента. Однако, учитывая роль и значимость органов НКВД (МВД) в то время, можно догадаться, что такие письма имели определенное воздействие на руководящие структуры области. После получения подобных сообщений, следовали директивы управляющего трестом в подведомственные предприятия с указанием принять меры к улучшению жилищно-бытовых условий в местах проживания спецпоселенцев. Директивы составлялись на основе информации, присланной УМВД, содержали те же примеры, что и в сообщениях и неизвестно, потрудились бы управление «Томлес» провести проверку по собственной инициативе.

В каждом из 26-ти предприятиях треста должны были создаваться комиссии под председательством директоров, с участием представителей профсоюза, которые проводили проверку жилищных условий «спецконтингента».

Положение этой категории рабочих не оставалось незамеченным Министерством лесной и бумажной промышленности СССР, откуда исходят ряд указаний подведомственным предприятиям и организациям. Это, к примеру, приказы от 7 марта 1949 г. и от 9 марта 1950 г. об ускорении хода жилищного строительства, от 27 мая 1950 г. об

улучшении жилищно-бытовых условий для спецпоселенцев. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 52. Л. 97-99.).

К сожалению, мало что менялось в положении спецпоселенцев даже после многочисленных указаний вышестоящих органов. В середине 1950 г. ситуация на предприятиях «Томлес», «Тюменьлес», «Омсклес», «Свердлес», комбината «Молотовлес» была практически одинакова, Министерство лесной и бумажной промышленности в очередной раз требовало от подведомственных предприятий улучшить жилищно-бытовые условия для рабочих. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 192-193.). О том, с каким трудом изменялось что-то к лучшему в их бытовом устройстве, свидетельствует ситуация с открытием дома инвалидов для спецпоселенцев.

Совет Министров РСФСР своим постановлением от 28 июля 1949 года № 597-30с обязал Кировский, Омский, Томский, Тюменский, Молотовский облисполкомы и Красноярский крайисполком открыть с 1 сентября 1949 г. дома для инвалидов из числа спецпоселенцев, помещения для которых должны были выделить предприятия Министерства лесной и бумажной промышленности. (ГАТО. Ф. Р- 829. Оп. 4. Д. 54. Л. 57.). Спустя год ни в одном из вышеперечисленных регионов полностью это постановление так и не было выполнено. В Томской области эта задача была возложена на трест «Томлес». Дом инвалидов на 150 человек не был открыт. В предоставленном для этих целей облисполкомом помещении могло разместиться только 98 человек, но и оно требовало капитального ремонта. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 54. Л. 57). Помещение с необходимой площадью так и не было найдено, хотя к марту 1950 г. в устройстве в дом инвалидов нуждались уже 300 человек. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 26.).

Тем не менее, судя по отчетам, присылаемым областному руководству, в некоторых ЛПХ картина жизни спецпоселенцев была самая благополучная: активно велось строительство новых домов, медпунктов, столовых; все рабочие были обеспечены приусадебными участками, не было перебоев в снабжении продуктами питания и т. п. Так, к примеру обстояли дела в Чаинском, Васюганском, Тимирязевском ЛПХ. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 156, 170, 198.). В правдивости подобных отчетов заставляет усомниться тот факт, что специальных комиссий по проверке условий жизни и труда спецпоселенцев, в которые должны были входить представители здравоохранения, органов районного отдел МВД создано не было, а проверка проводилась только директорами ЛПХ.

Депортации конца 1930-1950-х гг. были продолжением политической ссылки 1920-1930-х гг. Механизм насильственных переселений был апробирован на крестьянстве, однако принудительные этномиграции имели и ряд существенных отличий. "Раскулаченное" и

высланное в Сибирь крестьянство быстрее адаптировалось к местным климатическим условиям, не было и значительных отличий в методах ведения хозяйства. Другое дело – депортированные по этническому признаку. Из них большинство прибывших в Томскую область – это высланные с западных, юго-западных регионов Советского Союза, на территории которых иной климат, иные способы обработки земли, возведения сельскохозяйственных культур. В сложных условиях оказались и спецпереселенцы-бывшие городские жители, многие из которых были размещены сельской местности. Им приходилось приспосабливаться к малознакомому труду в колхозах и совхозах, зачастую работать не по профессии.

Руководство области в это время, в отличие от управленцев 1920-х гг. не знали местной специфики, поскольку не являлись коренными сибиряками, а были назначены Центром. Беспрекословное выполнение распоряжений, спущенных сверху, нередко приводило к плачевным результатам. Массовое заселение Александровского района спецпереселенцами в 1940-х гг. не дало желаемых результатов: вместо увеличения рыбодобычи за счет пополнения рабочего состава поселков, хозяйственного освоения района было отмечено сокращение лова рыбы в 1945 г. по сравнению с 1942 г. более чем в два раза. (ЦДНИ ТО Ф. 607. Оп. 1. Д. 1707. Л. 60.) То количество спецпоселенцев, которое было завезено на север области, не требовалось, трудоустройство всех оказалось невыполнимой задачей.

Во время войны ситуация усугубилась еще и тем, что успешное выполнение военных заказов, очередных планов местное руководство ставилось в зависимость от получения как можно больше дешевой рабочей силы из числа спецпереселенцев, даже если заведомо знали, что предоставить им сносные бытовые условия не смогут.

2. 4. Трудовое использование. Внутриобластные миграции

С началом Великой Отечественной войны Сибирь стала важнейшим арсеналом фронта. Новосибирская область была наиболее развитым в индустриальном плане регионом Западной Сибири, поэтому именно сюда было отправлено большое количество эвакуированных предприятий. В состав области в то время входил Кузбасс с Кузнецким металлургическим комбинатом, угольными шахтами, предприятиями химии и цветной металлургии. В Новосибирске наладились машиностроительные заводы и фабрики легкой промышленности. Томск и в те годы был крупным центром на востоке страны по подготовке кадров. Было развито и сельское хозяйство. Томский государственный лесопромышленный

союзного значения трест «Томлес» (с 1953 года - комбинат) находился в ведении Главзапсиблеса Наркомата (министра) лесной промышленности СССР. Трест руководил работой подведомственных ему предприятий на всех стадиях лесозаготовки.

Одним из путей сокращения дефицита рабочей силы, остро проявившегося в период войны, стала мобилизация трудоспособного населения страны для работы на оборонных предприятиях. В это время особенно интенсивно использовался и труд заключенных и спецпереселенцев.

С января 1942 года по январь 1946 г. существовала такая форма организации принудительного труда как трудовая армия, в которую подлежали мобилизации граждане, представители национальностей, с которыми СССР вел военные действия (немцы, финны, итальянцы, венгры, румыны). Подавляющее большинство из них составили советские немцы. Их общее число составляло около 400 тыс. человек. (Кокурин А.И. ГУЛАГ в годы войны//Ист.архив.-1999.-№3.-с.64.)

Трудовая армия представляла собой систему рабочих отрядов, колонн, бригад, где сочетались элементы военной организации, производственной деятельности и лагерного режима содержания.

Мобилизация основной массы населения проводилась на основании распоряжений ГКО и СНК СССР региональными партийными и советскими органами. Главным отличием призыва в рабочие формирования по национальному признаку был тот факт, что в этом случае мобилизация проводилась через районные и городские военкоматы, ответственность за ее проведение возлагалась на НКО, совместно с НКВД и НКПС СССР.

Недостаток рабочей силы, в частности из немцев, восполнялся в несколько этапов. Первый из них связан с мобилизацией мужчин, служивших в армии, которые по приказу И.Сталина №35105 от 8 сентября 1941 г. отзывались из вооруженных сил и в советском тылу пополняли собой ряды трудармейцев.

Второй этап формирования рабочих отрядов из числа советских немцев начался в начале 1942 г. 10 января 1942 г. постановлением ГКО №1123 СС немцы-переселенцы призывного возраста от 17 до 50 лет годные к физическому труду, выселенные в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовались в количестве 120000 человек в рабочие колонны для работы на лесозаготовках и стройках НКВД и НКПС СССР. (Мобилизовать немцев... с. 39-40).

Следующие постановление ГКО №1281 СС от 14 февраля того же года расширило круг граждан, подлежащих мобилизации, куда вошли и немцы – мужчины от 17 до 50 лет, постоянно проживающие в областях, краях, автономных и союзных республиках. Они

направлялись на время войны на стройки НКВД (Мобилизовать немцев... с.41).

7 октября 1942 г. вышло постановление ГКО №2383 сс, которым была объявлена дополнительная мобилизация немцев – мужчин. Возрастной предел призываемых в рабочие колонны был раздвинут. С этого времени в трудовую армию забирали и немцев – мужчин от 15 до 16 лет и от 51 – 55 лет включительно годных к физическому труду. Одновременно проводилась мобилизация и женщин – немок от 16 до 45 лет (История российских немцев. с. 172- 173). Освобождение от призыва в трудовую армию получали беременные женщины и имеющие детей в возрасте до 3 лет. Дети старшего возраста передавались на воспитание ближайшим родственникам. При их отсутствии устройством детей занимались местные советы (История российских немцев. с. 172- 173).

Через несколько дней, 14 октября постановлением ГКО №2409 СС порядок мобилизации в «Трудовую армию» был распространен на румын, венгров, итальянцев, финнов, т.е. граждан национальностей стран воюющих на стороне гитлеровской Германии (Там же. с. 44-45).

Выполняя постановление правительства от 7 октября, руководство Новосибирского облисполкома рапортовало, что: «...по состоянию 16 ноября 1942 г. работа по выявлению и мобилизации немцев и немок по области в основном закончена. Мобилизовано мужчин в возрасте от 15-17 лет и 50-55 лет 4133 человека и от 18-50 – 1906 человек, а также женщин в возрасте от 16 до 45 лет - 11074». (ГАНУ.Ф.1020.Оп.5а.Д.39.Л.20.)

Последствия выполнения вышеназванных директив были трагическими для немецких семей. Мобилизация практически всего взрослого населения в трудовую армию привела к тому, что многие потеряли связь с мужьями, женами, ближайшими родственниками. Дети, оставшись без присмотра родителей, не могли получить достаточно заботы и внимания со стороны государства. Помимо лишений и трудностей, которые испытывали все дети военного времени, детям немецкой национальности приходилось испытывать на себе влияние официальной пропаганды, когда некоторые местные жители относились к ним как к детям «врагов народа».

Подтверждением того, что мобилизация в трудовую армию немецких граждан, проживающих в СССР проводилась по национальному признаку служит запрос заместителя наркома внутренних дел Круглова в адрес Л.Берия от 21 октября 1942 г. (Мобилизовать...с.45-46), а также ссылка на разъяснения НКВД СССР №463 от 23 октября 1942 г., всем УНКВД (Там же. с. 256) в которых говорилось об освобождении от мобилизации женщин-немок, мужья которых – русские и русских женщин, у которых мужья – немцы.

Согласно постановлению ГКО от 10 января 1942 г. по наряду Наркома обороны Новосибирская область должна была отправить в трудовую армию 15300 человек из числа немцев-спецпереселенцев. Подлежащих мобилизации было учтено еще больше – 18102 человека. Принудительный набор в рабочие колонны проводился с 20 по 28 января 1942 г. (Мобилизовать... с. 248).

Однако в области наряд наркомата обороны не был выполнен в полной мере, отправлено в указанный выше период только 10986 немцев. От мобилизации освобождались специалисты сельского хозяйства (3374 человека); лица с высшим образованием и занятые на работах в угольной и лесной промышленности. Их не вызывали в военкоматы. Кроме того, 2839 человек больных и не имеющих теплой одежды также не были мобилизованы (моб-ть..., с. 248). Руководство области сочло необходимым оставить работников «дефицитных» профессий и даже учло заболевших людей. Однако такое объяснение причин невыполнения приказа не удовлетворяло руководство НКВД. Заместитель наркома внутренних дел Кобулов дал распоряжение Штабу СибВО призвать в рабочие колонны столько людей, сколько требуется по наряду (Мобилизовать... С. 248).

В ходе мобилизации не обошлось без эксцессов. В ряде районов области военкоматы объявили о сборах на призывные пункты не по персональным повесткам, а сообщая через сельские исполкомы всем немцам. Такая «оплошность» райвоенкоматов приводила к тому, что многие из немцев пытались укрыться от мобилизации.

Следующий этап мобилизации в трудовую армию в Новосибирской области начался в октябре 1942 г. Местные органы НКВД получили указания о направлении немцев – мужчин на предприятия Наркомугля и Наркомнефти.

Учитывая дефицит рабочих рук в области, секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Кулагин обратился с просьбой в НКВД оставить на месте поселения немцев, работающих в угольных шахтах Кузбасса (10000 человек); занятых в рыбной промышленности (15000 человек), а также на лесозаготовках. Из оставшегося числа подлежащих мобилизации мужчин и женщин, Кулагин предлагал сформировать 20 рабочих батальонов и оставить их в пределах области для различных работ в угольной и рыбной промышленности и на стройках (моб-ть... с. 255).

Нарком внутренних дел Л.Берия удовлетворил просьбу секретаря Новосибирского обкома ВКП(б); но лишь частично. Немцы, занятые на предприятиях Наркомугля в кузбассе оставались на местах расселения и объединялись в рабочие колонны. Немцы, переселенные в Нарымский округ также оставались на местах спецпоселений, но принудительного набора в рабочие колонны среди них не проводилось. Часть немцев, подлежащих мобилизации (около

6 тысяч человек) оставались в области для выполнения погрузочно-разгрузочных работ на предприятиях и стройках. Но область лишалась 6 тысяч рабочих из числа немцев - спецпоселенцев, из которых мужчин в количестве 3000 человек направляли на предприятия треста "Челябуголь" и 3000 женщин - на предприятия Наркомнефти. Таким образом, предложение Кулагина создать в пределах Новосибирской области 20 рабочих батальонов было отклонено.

Таким образом, особенностью Томской области было то, что непосредственно на ее территории рабочих колонн не имелось. Постановление ГКО от 7 октября 1942 г. о мобилизации немцев для работы на предприятиях Наркомугля и Наркомнефти не распространялось на 15 тыс. немцев, работающих на рыбных промыслах в Нарымском округе и в бассейне реки Оби. В то же время, немцы, работающие на угольных предприятиях Кузбасса (около 10 тысяч человек), также оставленные в местах поселения, были объединены в рабочие колонны.

Немцы - трудармейцы работали также в лагерях и на стройках НКВД. В новосибирской области было мобилизовано в Ивдельлаг 3000 человек, на строительство железной дороги Сталинск - Абакан и Сталинск - Барнаул - 12000 человек. (Мобилизовать немцев... с. 58)

Постановление ГКО №3960 СС от 19 августа 1943 года обязало передать в ведение угольной промышленности 7 тысяч трудопоселенцев (бывших кулаков) и спецпереселенцев-немцев, проживающих на территории Казахской ССР, Алтайского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей. (Мобилизовать... с.47-48). Из Новосибирской области планировалось мобилизовать 1000 человек. (Там же. с. 49). Но 25 августа количество подлежащих направлению на предприятия Наркомугля было увеличено до 15 тысяч человек, в том числе в Новосибирской области до 1500 немцев, из которых 500 мужчин, 1000 женщин. (Там же. с. 50).. В первую очередь подлежали мобилизации немцы работающие в сельском хозяйстве, промышленных артелях, государственных учреждениях, на предприятиях необоронного значения. В Новосибирской области требовалось направить на предприятия угольной промышленности 1000 человек. ("Мобилизовать немцев... с. 48)

Всего, по состоянию на 1 октября 1945 г. в Советском Союзе в различных отраслях народного хозяйства трудилось 288334 немцев - спецпоселенцев, из которых подавляющее большинство (119464 человека) были расселены в Казахской ССР. На территории Томской области в этот период времени количество немцев, чей труд использовался на различных работах составило 8502 человека (Мобилизовать немцев... с. 106)

Несомненно, нужды фронта требовали мобилизации и максимального напряжения

всех людских ресурсов страны. Обязательная трудовая повинность, жесткие меры наказания за опоздание, невыход на работу без уважительных причин и тому подобные меры были оправданы военной необходимостью. Существование в СССР мощной структуры ГУЛага позволяла правящему режиму держать под контролем сотни тысяч людей, сводить до минимума денежные, материальные затраты на содержание лагерей, рабочих колонн, применять труд заключенных, трудармейцев на самых тяжелых участках работ. Но никакими суровыми законами военного времени не могут быть оправданы смерть десятков тысяч людей от непосильного труда, голода, нечеловеческих условий существования.

Начиная с 1946 г. рабочие колонны ликвидируются, бывшие труармейцы направляются на спецпоселение к месту нахождения своих семей.

Согласно правилам хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев-калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев, утвержденным ГУЛагом НКВД СССР 8 марта 1944 г. (Ссылка калмыков. Как это было. Т.1. Кн.1. с. 146), трудовым устройством спецпереселенцев в местах расселения должны заниматься областные исполкомы советов депутатов трудящихся, в соответствии с решениями СНК СССР. Всю работу облисполкомов координировали местные Управления НКВД, наделенные большими полномочиями. Под контролем начальника УНКВД области было наделение спецпереселенцев приусадебными участками под жилищное строительство и огороды. Он также доводил до сведения местных партийных и советских органов власти обо всех затруднениях, возникающих в ходе хозяйственного и трудового устройства депортированных. Со своей стороны, руководство области обязано было устранять указанные недостатки. Если проблемы требовали согласования с центральными государственными органами, начальник УНКВД области ставил в известность в первую очередь НКВД СССР.

Задача трудового устройства спецпоселенцев была определена предельно лаконично: "обязательное вовлечение всех трудоспособных переселенцев в общественно-полезный труд" (Ссылка калмыков. Как это было. Т.1. Кн.1. с. 146). Крестьяне из числа депортированных, расселенные в сельской местности, должны были быть устроены для работы в сельском хозяйстве, рабочие и служащие определялись в соответствующие предприятия и организации. Но, как показала практика, невозможно было предоставить всем прибывшим работу по специальности, и цели такой правящим режимом при расселении людей не ставилось.

Одной из причин того, что люди не могли получить работу по специальности, были ограничения при устройстве на предприятия, установленные НКВД СССР. Распределение

рабочих мест проводилось в соответствии с определенными группами, к которым были отнесены спецпереселенцы. В первую из них входили так называемые "социально-опасные элементы" и те, кто в период немецкой оккупации служили полицейскими, старостами, комендантами, т.е. проходили по категории "немецкие пособники. За ними осуществлялся постоянный усиленный надзор со стороны органов НКВД (МВД), трудовое устройство первой группы спецпоселенцев проводилось только в районах их расселения, допускалась возможность использования их на работах, не по специальности, запрещалось изменение места работы без разрешения спецкамендатур НКВД (МВД).

Ко второй группе относились спецпереселенцы - члены и кандидаты ВКП(б), члены ВЛКСМ, бывшие сотрудники органов госбезопасности, руководящий состав и ответственные работники советских учреждений, профсоюзных организаций и все те, кто не был отнесен в категорию "немецких пособников". Эти переселенцы признавались "социально не опасными". Для них должны были создаваться наиболее благоприятные условия трудового устройства: предоставление работы по специальности и не только в местах расселения, но и в других районах области; возможность самостоятельного трудового устройства членам ВКП(б) и кандидатам в партию, членам ВЛКСМ, высококвалифицированным специалистам в пределах района расселения. Но такие привилегии могли быть получены только с разрешения НКВД СССР. (Ссылка калмыков. Как это было. Т.1. Кн.1. с. 147.).

Главным аргументом для обоснования необходимости трудового устройства депортированных в местах поселений, с точки зрения руководства страны, было создание спецпереселенцам "нормальных материально-бытовых условий существования". (Ссылка калмыков. Как это было. Т.1. Кн.1. с. 148).

Однако, подобная "забота" о людях на деле была продиктована чисто прагматическими соображениями: высокая производительность труда во многом зависела от создания рабочим нормальных условий жизни.

В случаях безработицы среди спецпереселенцев, все трудоспособные из них организовывались в артели промысловой кооперации, которые создавались при фабриках и заводах, крупных колхозах и совхозах, где использовался труд депортированных. Рабочие таких артелей занимались, в частности, пошивом и ремонтом обуви и одежды для самих спецпереселенцев. (Ссылка калмыков. Как это было. Т.1. Кн.1. с. 149).

Допускалась возможность использовать специалистов различных профессий из числа спецпереселенцев для обслуживания минимальных бытовых нужд насильственно свезенных в Сибирь людей. Даже медицинские работники из их числа устраивались на работу, в

первую очередь, в лечебные учреждения, расположенные в спецпоселениях. (Ссылка калмыков. Как это было. Т.1. Кн.1. с. 149). Таким образом, предпринята попытка сделать самодостаточными спецпоселки в плане организации бытового обслуживания.

Все предприятия и организации, заинтересованные в получении рабочих из числа спецконтингента, должны были взять на себя все затраты по перевозке людей.

Заработную плату спецпоселенцы должны были получать, согласно утвержденным 8 марта 1944 г. Правилам хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев, в том же объеме, какой был предусмотрен для всех граждан СССР, отдельных денежных удержаний в пользу государства не предусматривалось. (Ссылка калмыков. Указ сог. с. 149).

Как показывают документы, а также аналогичные исследования историков, посвященные «кулацкой» ссылке 30-х годов, условия труда и быта поселенцев в конце 30-50-х годов, подобное использование труда спецпоселенцев стало практически традиционным. Оно было направлено на хозяйственное освоение труднодоступных северных и восточных районов страны путем эксплуатации дешевой рабочей силы, массового использования низкоэффективного труда спецпоселенцев, в большинстве своем носившего убыточный характер.

Новый этап принудительных миграций спецпоселенцы пережили при переселении внутри области, что было связано с освоением северных регионов, таких как Нарымский округ Новосибирской области, в который входили и районы будущей Томской области: Александровский, Каргасокский, Молчановский, Парабельский, Колпашевский, Кривошеинский, Чаинский. Большинство населения округа в 1941 г. составляли трудпоселенцы–бывшие кулаки. Они составляли 75 % от всех жителей северных районов. С лета 1941 г. Нарымский округ стал пополняться новым контингентом спецпоселенцев, прибывшими в результате этномиграций.

Еще в декабре 1941 г. зам. наркома внутренних дел В. Чернышев в замечаниях к проекту постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнем Востоке» предлагал направить в низовья реки Оби до 2 тысяч семей (6 – 8 тысяч человек) спецпереселенцев. Единственным спецконтингентом, который, по мнению Чернышева, возможно переселить – это немцы. 6 января 1942 г. постановление было принято. (И. Сталин – Л. Берии: «Их надо депортировать...» С. 73 - 74).

6 марта 1942 г. облисполком принял постановление «Об обеспечении рабочей силой Нарымского рыбтреста для рыбодобычи», согласно которому было решено переселить для постоянного хозяйственного устройства на рыбных промыслах 1 тыс. человек.(ГАНУ. Ф. 1020. Оп. 5а. Д. 33. Л. 157). Их, согласно решению бюро обкома от 11 марта, следовало

набрать в городах Кузбасса. (ГАНО. Ф. П – 4. Оп. 33 Д. 665«в». Л. 21). Принципы отбора были следующие. Прежде всего это должны быть люди без права проживания в городах. Те, кто был занят на подземных работах в угольных шахтах, в это число не входили. Отбирались спецпереселенцы - мужчины из числа строителей, чернорабочих, служащих контор и т. п. Исходя из этих требований, было решено в первую очередь переселить в Нарымский округ немцев – спецпереселенцев, ссыльнопоселенцев, прибывших из западных областей Украины и Белоруссии, а также из республик Прибалтики. (ГАНО. Ф. П 4. Оп. 34. Д. 171. Л. 137).

Отправляли людей вначале до Томска, а затем, гужевым транспортом до мест назначения по районам округа. Томский, Кривошеинский, Молчановский, Колпашевский райисполкомы должны были предоставить лошадей для транспортировки переселяемых. (ГАНО. Ф. П – 4. Оп. 33 Д. 665 «в». Л. 22).

28 апреля 1942 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) постановило переселить и семьи, главы которых были ранее отправлены в Нарым. Все расходы по размещению, устройству на местах поселения возлагались на Нарымский окружной комитет ВКП(б). (ГАНО. Ф. П – 4. Оп. 33 Д. 665 «в». Л. 103-105). Данные решения были дополнены постановлением бюро Новосибирского обкома ВКП(б) от 1 июля 1942 г. «О дополнительных мерах по обеспечению рабочей силой рыбных промыслов Нарымского округа.» из районов Новосибирской области надлежало переселить в течение 20 дней 10 тысяч человек. Для размещения в округе должны были отбираться семьи с малым количеством детей и наличием трудоспособных. В первую очередь отправке подлежали немцы, проживавшие в районных центрах и рабочих поселках, за исключением комбайнеров, трактористов, слесарей, токарей и их семей, то есть обладателей «дефицитных» профессий. (ГАНО. Ф. П 4. Оп. 33. Д. 665«в». Л. 25–27.) Из городов области планировалось выселить немцев «по политическим мотивам». (ГАНО. Ф. П 4. Оп. 33. Д. 665«в». Л. 28.)

Для руководства переселением создавалась тройка в составе председателя облисполкома Беляева, заместителя начальника УНКВД Шехмана, начальника трудовых поселений Бурлака. В районах выселения создавалась аналогичные тройки в составе секретарей райкомов партии, председателей районных исполкомов и начальников районных отделов НКВД. (ГАНО. Ф. П 4. Оп. 33. Д. 503«б». Л. 19.) Это переселение означало уже второй этап депортации - внутри области. 14 июля 1942 г. на заседании бюро Нарымского окружкома ВКП(б) был утвержден план расселения переселяемых немцев по следующим районам округа: Александровский – 1500 человек, Каргасокский – 2500 человек, Парабельский – 2000 человек, Колпашевский – 3500 человек, Молчановский – 2500 человек, Кривошеинский – 2000 человек, Чаинский – 1000 человек. Итого, предполагалось вселить в

Нарымский округ 15 тысяч немцев – спецпоселенцев. (ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 582. Л. 37.). См. Приложение. Таблица №пес его знает

К 15 сентября 1942 г. переселение немцев в Нарымский округ было завершено. Всего к этому времени в северных районах области оказались 15 503 человека. Они закреплялись здесь на постоянное место жительства, о чем свидетельствовало решение бюро обкома ВКП(б) от 18 ноября 1942 г. Запрещалось свободное перемещение переселенцев по районам округа, особенно в те из них, где наиболее остро ощущался недостаток продовольствия. Такими мерами руководство области пыталось заставить поселенцев обосноваться в местах вселения, обзавестись хозяйством. (ГАНУ. Ф. П 4. Оп. 33 Д. 665«в». Л. 132.) Но ожидаемых результатов такие действия властей не принесли.

С 1943 г. в некоторых районах округа наблюдаются парадоксальные, на первый взгляд, явления. В Александровском районе более чем в два раза сократился вылов рыбы: с 32648 ц. в 1942 г. до 14194 ц. в 1945 г. и это, несмотря на то, что количество населения и, соответственно, рабочих рук за годы войны значительно возросло. Если на 1 января 1941 г. в районе насчитывалось 8195 чел., то на 1 января 1946 г. уже 11347 чел., из них на спецпоселении числилось 5971 чел., в том числе 3071 трудоспособных. (ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 400. Л. 51.). Однако, приток трудоспособного населения не повлек за собой повышение производительности труда по ряду причин.

В районе не было создано нормальных условий жизни для спецпоселенцев. Перебои с доставкой продовольствия, нехватка теплой одежды и обуви и многие другие проблемы в материально-бытовом устройстве прибывших в район не повышало их производительности труда. Постоянные перемещения людей с одного места лова рыбы на другой значительно затрудняли устройство людей в одном поселке на постоянное место жительства.

Серьезной проблемой в Нарымском округе стал переизбыток рабочих рук. В северных районах не имелось такого количества рабочих мест, которое позволило бы трудоустроить всех спецпоселенцев. В результате многие из них оставались без работы, а следовательно и без средств к существованию. Кроме того, местное руководство не учло тех изменений, которые произошли в составе рыбаков. На место квалифицированных рабочих пришли неопытные, не знакомые с техникой лова люди. Поэтому производительность труда спецпоселенцев была низкой, зарплата рабочих, устроенных в рыбной промышленности оставалась очень низкой. Повсеместно оплата труда спецпоселенцев, занятых в сельском хозяйстве области периодически задерживалась. На выработанные трудодни они практически не получали заработную плату деньгами, сумма которой в разных колхозах варьировалась от 10 коп. до 1 руб в день. На первом месте в расчетах за работу занимало

зерно и хлеб. В среднем в день выдавалось 600-700 гр. хлеба на одного работающего человека. (ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 54. Л. 6.).

Неоднократно испытывали спецпоселенцы и перемещения из одного района в другой в связи с переводом на работу на другой участок работы.. Особенно часто эта практика «перебросок» использовалась на предприятиях треста «Томлес». Расходы по переселению в данном случае брала на себя принимающая сторона. Переброска производилась только с санкции областных органов МГБ. Если возникла необходимость перемещения спецпоселенцев в пределах одного лесопромышленного хозяйства или административного района, руководство предприятий обращались в местные районные отделения МГБ с хозяйством о разрешении переброски определенного числа спецконтингента. В хозяйство обязательно включался персональный список намеченных к переброске рабочих, с указанием их анкетных данных: полного имени, года рождения, национальности, постоянного места жительства (работы), точного адреса пункта переброски (командировки), сроки и цели перемещения.

В инструкции, отправленной администрацией треста "Томлес" директорам подведомственных предприятий о порядке переброски спецконтингента (от 15 февраля 1951 г.) оговаривалась возможность самостоятельного принятия решений по данным вопросам на районном уровне, но только местными отделениями МГБ. (ГАТО. Ф.Р-858.Оп.9.Д.4.Л.8).

Однако на практике решения, принимаемые на уровне районного МГБ, не имело юридической силы до тех пор, пока не было получено согласие областного управления МГБ.

Для руководства районов установленный жесткий порядок перемещения людей означал появление ряда проблем, связанных с трудовым использованием спецпереселенцев, мобильность которых ограничивалась. В ведении многих предприятий, колхозов имелись пункты работы, расположенные на значительном расстоянии друг от друга, нередко на территории другой спецкомендатуры. Теперь, в каждом случае перемещения рабочих из числа спецконтингента необходимо было получить разрешение областных органов госбезопасности. Но не всегда такое согласие удавалось получить.

При внутриобластном переселении за спецконтингентом осуществлялся усиленный надзор со стороны органов МВД. Начальник районного отдела МВД обеспечивал конвоирование спецпоселенцев из мест выселения, чтобы исключить возможность побегов. Прибывших в пункт назначения принимал по акту начальник местного районного отдела МВД, и обеспечивал надзор за ними. Такова была процедура «переброски» из одного района в другой, с одного предприятия на другое.

Причины переселений были различными. Наиболее распространенной причиной перемещений были ходатайства руководства треста перед УМВД Томской области о пополнении того ли иного предприятия треста спецпоселенцами, объясняя это крайней нуждой в рабочих кадрах. В некоторых случаях определенный лесоучасток закрывался, и работающих здесь спецпоселенцев переводили на другое место работы. Третья причина – переброска спецконтингента в другое место работы на определенное время, на период выполнения планов лесозаготовки

Встречаются единичные случаи перевода по ходатайству предприятий с одного места работы на другое только одного человека, в большинстве случаев количество переселяемых было не менее нескольких десятков человек. Переселяли целыми семьями. Часть трудоспособных спецпоселенцев для работ сразу отправляли за десятки километров от поселков на лесоучастки. Их семьи еще какое-то время оставались в поселках ЛПХ, поскольку стояла извечная проблема при переселении – дефицит транспортных средств. Стремление руководства предприятий в короткие сроки воссоединить семьи спецпоселенцев, было продиктовано в первую очередь не заботой о людях, а о том, чтобы как можно скорее и более полном объеме использовать человеческие ресурсы.

Стремление максимально «эффективно» использовать труд рабочих из числа спецпоселенцев порождало у некоторых руководителей предприятий такие абсурдные предложения как, например, введение непрерывной рабочей недели для этой категории рабочих. Эта идея была отклонена УМВД только потому, что при реализации такого предложения потребовалась бы дополнительная охрана, содержать которую «сверх установленного лимита» МВД СССР не могло. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 173.).

Ужесточение режима спецпоселения существенно отразилось и на трудовом устройстве спецпоселенцев. УМВД по Томской области 6 февраля 1950 г. отдало распоряжение за №410 - 1124 своим районным отделениям, запрещающее совершать какие-либо передвижения спецпоселенцев из пределов одной поселковой комендатуры в другую. Это касалось только переселенных в Томскую область в 1949 году, (ГАТО. Ф.Р-829.О.4.Д.54.Л.49). Но, поскольку, в некоторые колхозы основное количество спецпоселенцев прибыли именно в 1949 году, то данное распоряжение породило новые проблемы как для спецпоселенцев, так и для руководства районов.

В Томске в различных предприятиях и учреждениях города было занято 6207 спецпоселенцев, из которых подавляющее большинство (72 %) составляли немцы. См. таблицу. (ЦДНИ ТО Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 374–375)

Переселение осуществлялось из Томской области в другие регионы страны. В 1954 г., в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР, в течение ноября в Томской области проводился организованный набор 3 500 рабочих для предприятий и строек угольной промышленности. Из них направлялись в комбинат Кузбассшахтстрой 3000 человек и в Примоскуголь-500 человек. Набор необходимого количества рабочих проводился в следующих городах и рабочих поселках: в г. Томске-1000 чел., г. Асино-100 чел., в рабочих поселках Самуськи и Моряковка Томского района-800 чел., рабочем поселке Могочино Молчановского района-500 чел., в г. Колпашево, в рабочем поселке Тогур-700 чел. и в рабочем поселке Красный Яр Кривошеинского района-400 чел. Таким образом, переводились на работы в другие регионы в первую очередь из тех мест, где существовали серьезные проблемы с трудоустройством спецпоселенцев. Тем самым в какой-то степени решался вопрос предоставления переселяемым рабочих мест, следовательно, и с получением хоть каких-то средств к существованию. Не подлежали набору спецпоселенцы, занятые на освоении целинных земель, в лесозаготовительной и горнорудной промышленности.

Для тех рабочих, которые переводились на работу в угольную промышленность, предусматривались некоторые уступки в отношении режима пребывания на спецпоселении. 22 сентября 1955 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР, согласно которому со спецпоселенцев, отработавших в шахтах и разрезах три года, начиная с 1955 г., снимались ограничения в отношении места жительства. (ГАТО. Ф.Р-829. Оп. 4. Д. 100. Л. 65-66.).

Неоднократно в адрес министерства лесной и бумажной промышленности СССР шли запросы от руководства «Томлес» по поводу льгот для спецпоселенцев, работающих в северных регионах страны. 15 июня 1949 г. министерство дало разъяснение, что спецпоселенцы, работающие в районах Крайнего Севера, имеют право пользоваться льготами, полагающимися для рабочих этого региона (например, северными надбавками). Но это касалось бывших кулаков, снятых со спецучета (посмотреть у Красильникова). Ситуация прояснилась в марте 1950 г. По всем предприятиям треста «Томлес» был разослан циркуляр об условиях предоставления льгот спецпоселенцам. Необходимо было не состоять на учете спецкомендатуры, иметь паспорт без ограничения места жительства и справку органов МВД о снятии с учета спецпоселения. Но и это было еще не все. Пользоваться льготами для работников Крайнего Севера наравне со всеми рабочими и служащими можно было только в том случае, если бывшие спецпоселенцы прибыли в ЛПХ в порядке перевода или командировки на работу и место жительства, откуда они прибыли, находится на расстоянии не менее 1000 км. По железной дороге или 500 км. иными путями сообщения. (ГАТО. Ф. Р-858. Оп. 9. Д. 2. Л. 32.). Из этого циркуляра следовало, что практически никто

из тех, кто был насильственно переселен в Томскую область за период с 1939 г. по 1950 г., и работающие в северных районах, не мог пользоваться льготами для трудящихся Крайнего Севера.

Вопрос об эффективности труда спецпереселенцев в плане экономического освоения сибирского края является достаточно спорным. Во многом проблемы, связанные с трудовым использованием прибывших на спецпоселение в результате насильственных этномиграций повторили все грубые подсчеты, ошибки, недостатки применения принудительного труда крестьян – спецпоселенцев в 1920-1930 годов. Периодические перемещения спецконтингента с одного участка работы на другой являлись для руководства предприятий одним из методов ликвидации очередной брешы, образовавшейся в ходе выполнения производственных задач и планов, спущенных сверху. Но такие методы давали лишь кратковременный, эффект, позволяли написать еще один рапорт о завершении в установленный срок определенного вида работ. Но в то же время приходили в запустение поселки, в которых жили спецпоселенцы до их «переброски» в другой район, ненужными становились десятки освоенных территорий. Решая одну задачу, руководство области создавало для себя новые проблемы.

Сами спецпоселенцы, вынужденные работать в сложнейших условиях, стремились выполнить и перевыполнить производственные планы, так как от этого зависело получение ими заработной платы, которая выдавалась чаще всего в виде продуктов питания. Норма их выдачи напрямую зависела от выполнения нормы выработки. Таким образом, спецпоселенцы, как и подавляющее большинство населения страны в то время, должны были трудиться, для того чтобы выжить. Личные характеристики 1950-х гг., данные районным начальством на спецпоселенцев, свидетельствуют о том, что многие из них добросовестно работали в различных отраслях народного хозяйства области. Однако главный вопрос остается за скобками характеристик, отчетов, рапортов. Какова цена экономических успехов, заплаченная людьми того времени, в том числе и тех из них, кто оказался в Сибири по принуждению? Она не подлежит измерению в километрах построенных дорог, освоенных территорий, в кубометрах заготовленной древесины, эта цена оказалась слишком высокой.

2.3. Отношение депортированных к факту переселения. Взаимоотношения с местным населением

Описывая процесс принудительного переселения нельзя не сказать о настроениях прибывших в Сибирь, а так же об отношении руководителей областного, районного уровней к депортированным. Отношение к факту депортации среди самих переселенцев было неоднозначным. Многие из них поначалу наивно верили, что после войны смогут вернуться на прежние места жительства, что насильственное переселение не более чем эвакуация. В письмах Сталину просили разрешить им вернуться в родные места, писали о том, что нельзя переносить вину отдельных лиц, сотрудничавших с гитлеровцами, на целые народы.

Многие не желали обзаводиться хозяйством в Сибири, полагая, что их привезли сюда на время, только до окончания войны. Депортированные из числа городского населения, служащие и специалисты профессий, связанных с промышленностью, не желали вступать в колхозы, требуя дать им работу по специальности.

Условия жизни в Сибири были хуже и тяжелее, чем в европейской части России. Нередко, спецпоселенцы жившие ранее в городах, жаловались, что здесь нет «стандартных домов, парового отопления, электричества.» (ГАНУ.Ф.П-4.Оп.5.Д.352.Л.39.). У части депортированных (российских немцев, прибалтийских народов) это вызывало определенный дискомфорт. Но недовольство бытовой неустроенностью не было определяющим в настроениях спецпоселенцев. Тяжелое материальное положение усугублялось дискриминационным ограничением в правах, моральным угнетением.

В годы войны особенно тяжело это отражалось на положении депортированных немцев. Официальная пропаганда, навешивая ярлыки «предателей родины», «шпионов и диверсантов», не делала различий между ними и немецкими фашистами, что только усугубляло психологический дискомфорт российских немцев. Ответной реакцией стали враждебные высказывания некоторых депортированных к факту их переселения, к советской власти в целом. Так, немка, прибывшая из бывшей Республики немцев Поволжья в Новосибирскую область в 1941 году говорила следующее: «...никто не ожидал, что Сталин, проявивший заботу о детях, сейчас гонит этих детей в Сибирь на голодную смерть.» (ГАНУ.Ф.П-4.Оп.5.Д.352.Л.42.). Но открыто, в разговорах, в том числе и на районных партийных собраниях, куда приглашались и коммунисты из числа депортированных, никто из последних не выражал недовольства создавшимся положением, поскольку понимали, что высказывания, в которых содержался хотя бы намек на незаконность выселения, классифицировались спецслужбами как «антисоветская пропаганда».

Власти ничего не предпринимали, для того, чтобы объяснить, что советские немцы не несут ответственности за действия гитлеровцев, и неприязнь к немцам среди части коренного населения действительно существовала. Но большинство местных жителей с сочувствием относились к нуждам переселенцев, оказывая им посильную помощь продуктами питания, одеждой, топливом.

Бывшие польские граждане из числа осадников и беженцев относились к своему пребыванию на спецпоселении как к мере противозаконной, поскольку они не являлись советскими гражданами. Эта категория спецпоселенцев была настроена выехать на Украину, Польшу, надеясь на то, что в скором времени английские войска освободят их Родину.

В августе 1940 года в спецпоселке Тайга Томасинлага произошли массовые выступления беженцев, с требованием вернуть их на прежние места жительства. Исследователь А.Э.Гурьянов на основании доклада о состоянии спецпоселков беженцев отдела трудпоселений УИТЛИК УНКВД по Новосибирской области от 7 февраля 1941 года, рисует подробную картину произошедшего: «...около 1500 человек...организованно, оставив поселок с детьми и вещами направились к берегу реки Чулым, на расстоянии от поселка в 12 км., с требованием возврата их в западные области УССР или в более теплый климатический пояс страны. Бастовавшие поддерживались спецпоселенцами близлежащих поселков Берегай, Кица и Сибиряков. Принятыми мерами УНК и УИТЛ забастовки были ликвидированы без применения оружия и водворен соответствующий порядок во всех поселках. 45 человек зачинщиков и организаторов бунта арестованы и привлечены к уголовной ответственности.» (Гурьянов А.Э. Польские спецпоселенцы в СССР в 1940-1941 //Репрессии против поляков и польских граждан. – М.:Звенья. 1997. с. 132-133). Подобные выступления протеста произошли и в других местах размещения спецпоселенцев: в Асиновском, в Зырянском, Тегульдетском районах.

Причину «беспорядков» руководство Новосибирской области увидело лишь в плохом бытовом устройстве спецпоселенцев – беженцев, о чем было сказано на заседании бюро обкома ВКП(б) 6 сентября 1940 года. Виновниками просчетов в организации труда и быта спецпоселенцев были названы начальник лагеря Борисов, которого по решению НКВД отстранили от занимаемой должности и начальник оперативно-чечистского отдела Салтымаков. Он получил строгий выговор. (Гурьянов....с.133).

Для некоторых депортированных было характерно ощущение полной безысходности, которое усилились после окончания войны, когда стало ясно, что долгожданного возвращения на родину не будет. Немцы и калмыки в большинстве своем молчаливо смирились с судьбой. Часть переселенцев связывали свои надежды на освобождение с

крушением коммунистического режима в СССР в результате поражения его в войне с Германией, а в послевоенный период, надеялись на то, что США и Великобритания начнут войну против СССР. Особенно популярны эти настроения были среди поляков и прибалтийских народов.

Очень неблагонадежные в политическом отношении считались спецпоселенцы из Прибалтийских республик. По данным В.Н.Земскова, именно среди прибалтов было наибольшее число подпольных антисоветских организаций, одну из которых раскрыли в Томской области. Это подпольная организация «Присяга в ссылке», якобы имевшая задание от литовского националистического подполья объединить в местах поселения литовцев для открытой вооруженной борьбы. Организация имела свою программу, устав и издала несколько номеров газеты под названием «Без родины». (Земсков В.Н. Принудительные миграции... с.9).

В их среде зачастую открыто велись разговоры о негативном отношении к советской власти. В одном из агентурных донесений говорилось, что «...в деревне Феокистовка латыш А.Карклиньш сказал, что под советский строй следует подложить динамит и взорвать его.» (Архив УВД Томской области Л.Д.1380.Л.7).

Однако, говорить о достоверности источников, где содержатся сведения о существовании организованных очагов борьбы против советской власти среди спецпереселенцев следует с большой осторожностью, поскольку сейчас известно как создавались на бумаге органами госбезопасности подобные антисоветские организации.

В отчетах РКП(б) о политических настроениях среди спецпереселенцев в связи с выборами в Верховный Совет СССР за 1945 – 46 гг., шедшие в адрес Томского обкома ВКП(б) часто встречаются сообщения о «недовольстве спецпоселенцев советской властью, о том, что они ведут антисоветскую работу в районах». Иногда достаточно было лишь того факта, что латыши, литовцы, эстонцы высланы как члены различных реакционных партий, что бы сделать следующий вывод: «Эту группу людей нужно держать под особым контролем советской разведки, на руководящие посты их допускать нельзя. Более того нельзя их допускать и к выборам.» (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.282.Л.4).

Как правило, такая информация с мест проживания прибалтов, доносы осведомителей не оставались без внимания органов УНКВД (УМВД - УМГБ) по Томской области. Подвергшиеся однажды принудительной высылке, люди испытали на себе действие репрессивной машины еще неоднократно, будучи уже на спецпоселении.

Органами госбезопасности проводились аресты и привлекались к уголовной ответственности спецпоселенцы из числа латышей, литовцев, немцев и других.

Формулировки обвинений чаще всего были следующие: «антисоветская агитация и пропаганда», «антисоветская деятельность». Последнее трактовалось особенно широко. В качестве антисоветской деятельности могли рассматриваться даже «террористические намерения и высказывания в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства, местного партийно-советского актива».

Летом 1952 года УМГБ по Томской области было произведен ряд арестов и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в антисоветской агитации и антисоветской деятельности спецпоселенцы из числа латышей. Следствие по их делам велось недолго – около месяца. От тяжести предъявленных обвинений зависело то, куда будет направлено после окончания следствия дело. В Военный Трибунал Западно-Сибирского военного округа попали уголовные дела латышей, обвиняемых в организованной антисоветской деятельности, под которой подразумевалось существование некой группы спецпоселенцев, деятельность которых была, якобы, направлена на дискредитацию коммунистического режима и организацию террористических акций. (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.1698.Л.104-106). Военный трибунал выносил свой жесткий приговор. Однозначным он был в случае, если человек объявлялся изменником Родины, за что приговаривался к высшей мере наказания – расстрелу, о чем говорила статья 58^{1а} Уголовного Кодекса РСФСР 1952 года. (Уголовный кодекс РСФСР. Государственное издательство юридической литературы. М.: - 1952г. с. 18.)

Содержание термина «антисоветская агитация», как и в 1930-е годы, было очень емким. Вот как оно было определено в уголовном деле, заведенном на спецпоселенца-латыша Бумбиериса Роберта Фрицовича, проживавшего на спецпоселении в Калпашевском районе Томской области: «...клеветал на политику Советского правительства, на Советскую Армию и материально-бытовые условия жизни советского народа, восхвалял существовавшие порядки в бывшей буржуазной Латвии, распространял провокационные, клеветнические измышления о неизбежности войны капиталистических стран с Советским Союзом и поражении в ней СССР». (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.1698.Л.114-115). Согласно статье 58¹⁰ УК РСФСР за подобные контрреволюционные преступления следовало наказание в виде лишения свободы на срок не менее шести месяцев. (УК РСФСР. С. 21.)

Большинство депортированных, хоть и считали свое выселение ошибочным и временным, но пытались как-то обустроить свою жизнь в Сибири. И здесь судьба многих спецпереселенцев зачастую зависела не от законов, а от личных качеств начальника райотдела НКВД. Областные и районные органы власти были заинтересованы в приеме спецпереселенцев, достаточно активно готовились к их приему и расселению. Но, зачастую,

местные власти относились к прибывшим как к людям второго сорта, поскольку официально депортированные народы считались провинившимися перед государством и наказанными. Во время Великой Отечественной войны ситуация усугублялась тем, что необходимо было разместить в области и эвакуированное население, развернуть оборонные предприятия, снабдить армию всем необходимым. Поэтому большинство мероприятий местной администрации по обустройству спецпоселенцев так и остались не выполненными. Стремление любой ценой выполнить очередной план приводило к тому, что нерешенность бытовых проблем депортированных, даже произвол чиновников в отношении этих людей списывались на чрезвычайные обстоятельства

Искусственная дифференциация общества тех лет на «своих» и «чужих» и непрочная, тонкая грань между ними, давала возможность правящему режиму легко переводить в разряд «чужих» неугодных. Общество, сознание которого было пропитано идеей поиска внутренних врагов, достаточно быстро принимало подобные превращения. Ярлык «враг народа», «предатель Родины», навешанный на человека, определял всю его дальнейшую судьбу. В полной мере испытали это на себе советские граждане немецкой национальности, как подвергшиеся принудительным выселениям в начале 40-х годов, так и репатриированные после войны.

Терминология официальных документов того времени очень многое говорит об отношении чиновников к попавшим в опалу государства людям. В декабре 1946 года в Томский обком ВКП(б) поступили сведения о «неправильном использовании репатриированных немцев на заводе №653». Согласно справке, составленной инструктором орг.отдела, на заводе трудилось 495 немцев из числа репатриантов. Это было, по его мнению, недопустимым просчетом, так как люди, высланные с территории, в прошлом оккупированной немецкими войсками, в той или иной мере оказывали содействие и помощь фашистской Германии. (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.464.Л.182). Первый цех, выпускающий продукцию, идущую на вооружение Советской Армии, якобы, оказался «засорен» людьми, не внушающими доверие. Недовольство тем, что значимые должности в цехах отданы немцам, высказывали и рабочие из числа демобилизованных. «Просчет» был устранен быстро – 26 репатриантов переводились на другие работы. (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.1698.Л.183).

Порой подозрительное, предвзятое отношение к депортированным со стороны местного руководства приводило к попыткам отыскать скрытый, злой умысел в тех действиях спецпоселенцев, которые выходили за рамки дозволенного им режимом спецпоселения. В Зырянском районе летом 1952 года было проведено расследование по

факту так называемого политического хулиганства спецпоселенца – латыша, который работал трактористом в колхозе «Путь Ленина», Дубровского сельсовета. Трактор, на котором работал спецпоселенец, проехал слишком близко от автомашины секретаря райкома, что было расценено районным начальством как попытка повредить автомобиль. Прокурором Зырянского района в санкции на возбуждение уголовного дела по этому факту было отказано в связи с отсутствием состава преступления. Однако спецпоселенец вместе с семьей был направлен под надзором в спецкомендатуру Верхне-Кетского района «за саботажническое поведение и нарушение трудовой дисциплины». (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.949.Л.394-395).

О так называемой засоренности спецпоселенцами – немцами преподавательского состава школ Александровского района твердил начальник УМГБ по Томской области Турчанинов в письме секретарю обкома ВКП(б) в 1949 году. (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.45.Л.181-182). Спецификой Александровского района было то, что свыше 50% населения составляли – это спецпоселенцы, из которых депортированные в 1941 году немцы составляли подавляющее большинство. Часть из них (10 человек) работала в качестве учителей в школах районов. (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.465.Л.126). В Томский обком ВКП(б) шли рекомендации органов госбезопасности отстранить от работы «выходцев из социально-чуждой среды». И это, несмотря на явный дефицит преподавательских кадров в районе. В вину учителей из числа спецпоселенцев ставилась плохая успеваемость учеников, плохая дисциплина в классах. Возмутительным считался и тот факт, что немцы преподают такие предметы, как Конституция СССР, история СССР и русский язык. (ЦДНИ ТО Ф.607.Оп.1.Д.465.Л.125). Словосочетание «засоренность трудового коллектива» говорит само за себя. Людей, попавших в немилость государства, настоятельно рекомендовалось не допускать на руководящие должности или отстранять от работ как чуждых, лишних элементов общества.

В 1947 году состоялись выборы депутатов в Верховный Совет РСФСР. Спецпоселенцам было предоставлено право голосования, но только до районного звена. Отношение к выборам среди этой категории сибиряков было самое разное. Многие расценили возможность участия в голосовании как ослабление режима спецпоселения и возвращения доверия государства к ним. Некоторые спецпоселенцы были настроены не ходить на избирательные участки, считая, что ничего от этих выборов не изменится в их положении, а может быть только хуже. Высказывались и критические замечания по поводу самой процедуры голосования, которая на деле не предоставляла никакого права выбора избирателям. Вот, к примеру, как оценивал происходящее спецпоселенец – немец Ольферт,

работавший на заводе ГПЗ – 5 г.Томска: «...какие тут могут быть выборы, когда кандидаты в депутаты давно уже назначены сверху, разве это народ не видит. Это глупость и неумная игра. 90% советских людей никогда бы при свободных выборах не согласились с такими кандидатурами. Все они боятся НКВД, все они помнят 1936, 1937 годы». (ГАТО.Ф.Р.-829.Оп.4.Д.24.Л.86).

В целом, какого бы мнения не придерживались люди в частных разговорах, большинство из них понимало, что идти на избирательный участок и ставить свою подпись в бюллетене напротив фамилии кандидата в депутаты необходимо, поскольку за неявку на голосование следовали соответствующие санкции «компетентных» органов.

Со смертью Сталина спецпоселенцы связывали свои надежды на скорые, неизбежные перемены в политической жизни страны и в своей судьбе. Беспокойство вызывал вопрос о том, кто будет приемником «Вождя народов», как повлияет смерть Сталина на внешнюю политику США и других западных стран. Часть спецпоселенцев полагала, что правительство капиталистических стран могут воспользоваться моментом и начать войну против СССР.

Сильный отклик в среде спецпоселенцев получила и известие об аресте Берия. Некоторые из них не верили официальной версии причины его ареста, видели в этом действии политического руководства страны устранение сильного конкурента в ходе борьбы за власть. Многие задавались вопросом: как человек, который долгое время был правой рукой Сталина, мог стать «врагом народа»? Если это так, то и политику самого Вождя нужно критиковать.

До середины 1950-х годов спецпоселенцы не были полноправными членами местных партийных, советских, профсоюзных организаций. Лишь с 1956 года, после выхода в свет постановления ЦК КПСС о мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев, в регионах их расселения параллельно с задачами улучшения жилищно – бытовых условий, ставятся задача привлечения последних к активному участию в общественно – политической жизни страны.

Формально это означало, что бывшие спецпоселенцы могли теперь избираться и принимать участие в деятельности местных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, занимать в них руководящие должности, выступать в качестве докладчиков, лекторов, агитаторов. Наряду с остальным населением области они получили возможность устраиваться на работу по специальности, за трудовые успехи получать поощрения, премии и льготы. Культурно – просветительские учреждения также должны были вовлекать в свою работу бывших спецпоселенцев в качестве участников художественной самодеятельности и т.п.

Реально же, требовалось еще много времени, что бы стереотип отношения к спецпоселенцу как к человеку второго сорта разрушился, поскольку такое мнение десятилетиями навязывалось сверху и формировалось на местах. И меры, принимаемые властными структурами с середины 50-х годов к тому, чтобы отношение к этим людям изменилось, были продиктованы прежде всего, соображениями негуманного, апрогматического характера. После издания ряда постановлений о снятии ограничений в правовом положении, многие из них воспользовались возможностью вернуться в родные места. Это означало, что регионы их размещения, в том числе и Томская область, теряли значительное число рабочих рук. С другой стороны, прежние места жительства были заселены другими людьми, даже народами, и массовое возвращение освобожденных со спецпоселений семей создавало множество конфликтных ситуаций, могло привести к национальным столкновениям. Таким образом, нежелательным, с точки зрения властей, было возвращение этносов на территорию, с которой они были когда – то высланы. Некоторые народы (советские немцы), хоть и были освобождены со спецпоселения, но на протяжении еще долгих двадцати лет не получали права возвращаться в родные места. Они и составили основную группу тех спецпоселенцев, кто остался в нашей области и после снятия ограничений в правовом положении.

Обобщая все вышесказанное можно сделать вывод, что подавляющее большинство спецпереселенцев считали свое пребывание в Сибири временным, и мечтали вернуться на родину. Но если немцы и калмыки надеялись на восстановление своих автономий в составе СССР, то поляки, латыши, литовцы и эстонцы в массе своей верили в восстановление своих независимых государств на буржуазной основе. Главное же недовольство депортированных было направлено против беззакония и существовавших порядков.

Приложение

Таблица №1

План расселения эвакуированного населения в районах Новосибирской области

№№ п/п	Наименование районов	Количество человек	Станция назначения
1	Анжеро – Судженский	2000	Судженск
2	Барабинский	3000	Барабинск
3	Барзасский	400	Барзасс
4	Беловский	1500	Белово
5	Венгеровский	3500	Чаны
6	Гурьевский	1000	Гурьевск
7	Доволенский	3700	Каргат
8	Здвинский	1000	Купино
9	Ижморский	3000	Ижморка
10	Ирменский	1000	Новосибирск, далее паромом до пристани Кр.Яр
11	Кожевниковский	3000	Новосибирск и далее паромом до пристани Батурино, Вороново, Уртам, Кожевниково.
12	Сузунский	4000	Новосибирск и далее паромом до Атаманово, Сузун
13	Шегарский	1200	Новосибирск и далее паромом до Шигарки
14	Искитимский	1500	Искитим
15	Каргатский	2500	Каргат
16	Киселевский	1400	Акчурла
17	Колывановский	2000	Новосибирск, и далее паромом до пристани Колывань
18	Коченювский	1400	Коченево
19	Кочковский	4000	Чулымская
20	Крапивинский	2200	Кольчугино
21	Кузедеевский	1600	Кузедеево
22	Куйбышевский	2500	Каинск
23	Купинский	2500	Купино
24	Легостаевский	2000	Искитим
25	Ленинск-Кузнецкий	1500	Кольчугино
26	Мариинский	1500	Мариинск
27	Мослянинский	2500	Черепаново
28	Михайловский	2000	Убинская
29	Мошковский	3000	Мошково
30	Ояшинский	3000	Ояш
31	Северный	1700	Барабинск
32	Татарский	3000	Татарская

33	Тогучинский	3000	Тогучин
34	Тисульский	2000	Тяжин
35	Топкинский	2500	Топки
36	Туганский	2500	Туган
37	Тяжинский	1000	Тяжин
38	Убинский	1400	Убинская
39	Усть-Таркский	2000	Татарская
40	Чановский	2500	Чаны
41	Чеболинский	1000	Мариинск
42	Черепановский	3000	Черепаново
43	Чистоозерный	3000	Чистоозерная
44	Чулымский	4000	Чулымская
45	Яшкинский	2000	Яшкино

Таблица №2

Отчет о количестве прибывших немцев – переселенцев в Новосибирскую область единовременно в 1941 году

(данные этого отчета содержат неполные сведения о количестве немцев расселенных по районам области, в частности не указано сколько было расселено немцев в Шигарском районе)

№№ п/п	Наименование районов	Прибыло		
		Мужчин	Женщин	Из них трудоспособных от 16 лет
1	Анжеро – Судженский	1071	1269	1064
2	Асиновский	745	893	745
3	Барабинский	1445	1666	1394
4	Болотнинский	1064	1288	1180
5	Венгеровский	1130	1293	1123
6	Доволенский	1086	1279	1218
7	Здвинский	688	827	656
8	Зыряновский	663	1088	478
9	Ижморский	1890	3228	2273
10	Ирменский	943	1417	1237
11	Искитимский	753	927	451
12	Каргатский	1094	1347	1176
13	Кожевниковский	1922	1265	1111
14	Колывановский	1031	1172	1297
15	Коченевский	978	1284	1003
16	Кочковский	1047	1281	1168
17	Крапивинский	1095	1241	1069
18	Кузнецкий	1069	1281	1068
19	Куйбышевский	1125	1366	1116
20	Купинский	1084	1363	1268
21	Легостаевский	985	1253	1408
22	Мариинский	603	661	690
23	Маслянинский	1059	1244	1115
24	Михайловский	1054	1235	1168
25	Мошковский	1110	1189	1070

26	Ордынский	904	1828	1039
27	Пышкино – Троицкий	136	204	187
28	Северный	562	627	634
29	Сузунский	1896	2190	1966
30	Татарский	995	1217	1031
31	Титовский	1217	2749	1876
32	Тисульский	691	822	770
33	Тогучинский	1954	2208	2154
34	Томский	24	21	24
35	Топкинский	1024	1198	993
36	Туганский	1789	2295	2081
37	Тяженский	1409	1691	1400
38	Убинский	1071	1272	1186
39	Усть – Таргский	2220	2531	1557
40	Чановский *	1228	1472	1288
		1109	1314	1167
41	Чебулинский	1523	1903	1882
42	Черепановский	1348	1648	1434
43	Чистоозерный	1020	1306	1207
44	Чулымский	1998	7518	2164
45	Юргинский	1801	2776	2299
46	Яшкинский	1033	1303	1168
		54700	70012	61969

ГАНО.Ф.1030.Оп.1.Д.206.Л.86-87.

Таблица №

**Размещение переселяемых немцев внутри районов Нарымского округа
(по данным на 2 июля 1942 г.)**

ГАО.Ф.1030.Оп.1.Д.210.Л.30-31.

№№ п/п	район	Наименование населенных пунктов	Количество выселяемых	Всего выселено в район
1	Александровски й	Прохоркино	200 чел.	3000 чел.
2		Никольск	800 чел.	
3		Верхне-Вартовское	400 чел.	
4		Назино	600 чел.	
5		Лукашкин Яр	800 чел.	
6		Медведево	200 чел.	
1	Каргасокский	Усть-Тымский	500 чел.	2500 чел.
2		Тым	500 чел.	
3		Каргасок	700 чел.	
4		Казальцево	500 чел.	
5		Подбельники	300 чел.	
1	Парабельский	Невальцево	200 чел.	2000 чел.
2		Алатаево	400 чел.	
3		Нарым	600 чел.	
4		Городище	200 чел.	
5		Парабель	600 чел.	
1	Колпашевский	Коломино	600 чел.	3000 чел.
2		Тискино	200 чел.	
3		Тогул	800 чел.	
4		Березовка	200 чел.	
5		Инкино	500 чел.	
6		Чажемто	700 чел.	
1	Молчановски й	Амбарцево	200 чел.	2000 чел.
2		Соколовка	400 чел.	
3		Молчаново	600 чел.	
4		Усть-Чулым	300 чел.	
5		Могочино	500 чел.	
1	Кривошеинск ий	Карнаухово	200 чел.	2000 чел.
2		Красный Яр	200 чел.	
3		Никольское	500 чел.	
4		Былино	300 чел.	
5		Кривошеино	800 чел.	
1	Чаинск ий	Подгорное	500 чел.	500 чел.